

БЕЛГРАД, 15 НОЯБРЯ 1976 ГОДА

Проводы на Внуковском аэродроме.

Фото А. Гостева.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 47 (2576)

20 НОЯБРЯ 1976

ДРУЖ
И БРАТ

БА СТВО

15 ноября Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев отбыл из Москвы в Югославию с дружественным визитом по приглашению Президента СФРЮ, Председателя Союза коммунистов Югославии товарища Иосипа Броз Тито.

Вместе с товарищем Л. И. Брежневым из Москвы отбыли член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев, член ЦК КПСС, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС К. В. Русаков, кандидат в члены ЦК КПСС, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, член ЦК КПСС, заместитель министра иностранных дел СССР Н. Н. Родионов, член ЦК КПСС, генеральный директор ТАСС Л. М. Замятин.

На Внуковском аэродроме, украшенном государственными флагами СССР, товарища Л. И. Брежнева провожали товарищи Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, М. А. Суслов, Д. Ф. Устинов, П. Н. Демичев, М. С. Соломенцев, И. В. Капитонов, М. В. Зимянин, К. У. Черненко, Я. П. Рябов, члены ЦК КПСС Б. П. Бугаев, Г. С. Павлов, Н. М. Пегов, Г. Э. Цуканов, Н. А. Щелоков, кандидаты в члены ЦК КПСС С. К. Цвигун, Г. К. Цинев, заместители министров СССР А. Г. Ковалев, Ю. Г. Мамсуров, заместитель заведующего отделом ЦК КПСС Г. Х. Шахназаров, другие официальные лица.

В тот же день Генеральный секретарь ЦК КПСС прибыл в Белград. У Белого дворца в соответствии с принятым в СФРЮ протоколом состоялась официальная церемония встречи товарища Л. И. Брежнева. Генерального секретаря ЦК КПСС сердечно приветствовал Президент СФРЮ, Председатель СКЮ И. Броз Тито.

Во время переговоров.

Президент СФРЮ, Председатель СКЮ, Маршал Югославии И. Броз Тито вручил Генеральному секретарю ЦК КПСС, Маршалу Советского Союза Л. И. Брежневу высшую военную награду СФРЮ — орден Свободы.

В Белом дворце состоялась беседа между товарищами Л. И. Брежневым и И. Броз Тито.

Телефото спец. корр. ТАСС В. Мусаэльяна и В. Соболева.

15 ноября в Белграде начались переговоры между Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым и Президентом СФРЮ, Председателем СКЮ И. Броз Тито. В ходе переговоров, проходивших в теплой, дружественной обстановке, обсуждались вопросы всестороннего дальнейшего развития и углубления советско-югославских отношений, а также международные проблемы, представляющие взаимный интерес.

В переговорах участвовали: с советской стороны — член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев, член ЦК КПСС, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС К. В. Русаков, кандидат в члены ЦК КПСС, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, член ЦК КПСС, заместитель министра иностранных дел СССР Н. Н. Родионов, член ЦК КПСС, генеральный директор ТАСС Л. М. Замятин, член ЦК КПСС, посол СССР в СФРЮ В. И. Степаков;

с югославской стороны — член Президиума ЦК СКЮ, член Президиума СФРЮ Э. Кардель, член Президиума ЦК СКЮ, заместитель Председателя Президиума СФРЮ В. Жаркович, секретарь Исполкома Президиума ЦК СКЮ С. Доланц, член Президиума ЦК СКЮ, Председатель Союзного исполнительного веча СФРЮ Д. Биедич, член Президиума ЦК СКЮ, заместитель Председателя Союзного исполнительного веча СФРЮ, союзный секретарь по иностранным делам СФРЮ М. Минич, секретарь в Исполкоме Президиума ЦК СКЮ А. Грличков, член Президиума ЦК СКЮ, посол СФРЮ в СССР Й. Смоле.

Президент СФРЮ, Председатель СКЮ, Маршал Югославии И. Броз Тито вручил Генеральному секретарю ЦК КПСС, Маршалу Советского Союза Л. И. Брежневу высшую военную награду СФРЮ — орден Свободы.

В тот же день в торжественной обстановке товарищу Л. И. Брежневу была вручена Памятная золотая медаль города Белграда.

В здании Союзного исполнительного веча Президент СФРЮ, Председатель СКЮ И. Броз Тито дал ужин в честь Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. На ужине вместе с товарищами Л. И. Брежневым и И. Броз Тито были сопровождающие их официальные лица, партийные и государственные деятели Югославии. Во время ужина товарищи И. Броз Тито и Л. И. Брежнев обменялись речами.

«Мы солидарны с вами, как и с другими братскими странами,— сказал в своей речи товарищ Л. И. Брежнев,— и от души желаем, чтобы ваша страна, единая и сплоченная вокруг Союза коммунистов Югославии, уверенно и успешно шла по социалистическому пути, избранному ее народом».

16 ноября товарищ Л. И. Брежнев посетил парк Дружбы в новом Белграде. В качестве почетного гостя столицы СФРЮ он посадил здесь дерево мира — русскую березку. Леонид Ильич Брежнев сделал запись в книге почетных гостей города.

Во второй половине дня товарищи Л. И. Брежнев и И. Броз Тито провели в загородной резиденции Добановцы близ Белграда дружескую беседу. Она проходила в теплой, сердечной обстановке, в духе традиционной откровенности и взаимного доверия. Руководители КПСС и СКЮ выразили единодушное мнение, что расширение сотрудничества двух партий представляет собой прочную основу дальнейшего укрепления братской дружбы народов Советского Союза и Югославии.

Подписание совместного заявления.

НОВЫЙ ЭТАП СОТРУДНИ

Во время беседы товарищей Л. И. Брежнева и Э. Герека.

Фото В. МУСАЭЛЬЯНА (ТАСС)

Фото А. ГОСТЕВА

ЧЕСТВА

10 ноября в Кремле закончились советско-польские переговоры. В обстановке сердечности и полного взаимопонимания советские и польские руководители завершили рассмотрение взаимно интересующих узловых вопросов всестороннего сотрудничества между КПСС и ПОРП, СССР и ПНР.

В тот же день в Большом Кремлевском дворце было подписано совместное заявление «За дальнейшее развитие всестороннего сотрудничества между Советским Союзом и Польской Народной Республикой, за укрепление дружбы советского и польского народов». Документ подписали: за Союз Советских Социалистических Республик — Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев; за Польскую Народную Республику — Первый секретарь ЦК ПОРП Э. Герек.

В атмосфере сердечности и полного единства взглядов состоялась дружеская беседа товарищей Л. И. Брежнева и Э. Герека. Руководители КПСС и ПОРП рассмотрели некоторые перспективные вопросы советско-польского сотрудничества, обменялись мнениями относительно актуальных проблем международной жизни, коммунистического и рабочего движения.

11 ноября посланцы братской Польши отправились из Москвы в поездку по стране. Они посетили Алма-Ату, Минск, Витебскую и Могилевскую области.

15 ноября партийно-государственная делегация Польской Народной Республики во главе с Первым секретарем ЦК ПОРП Э. Гереком, находившаяся в Советском Союзе по приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР с официальным дружеским визитом, отбыла из Минска на родину.

ПЛАМЕННЫЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР

23 НОЯБРЯ 80 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КЛЕМЕНТА ГОТВАЛЬДА.

Выдающийся деятель чехословацкого и международного коммунистического и рабочего движения К. Готвальд прошел большую школу политической борьбы в рядах рабочего класса. Возглавив в 1929 году Коммунистическую партию Чехословакии, К. Готвальд последовательно проводил линию на превращение ее в партию ленинского типа. Возглавлявшаяся им четверть века КПЧ стала боевым авангардом чехословацкого рабочего класса.

Яркие страницы в истории революционного движения — массовые выступления трудящихся под руководством КПЧ в буржуазной Чехословакии против гнета и эксплуатации. После установления в 1933 году фашистской диктатуры в Германии и возникновения для Чехословакии непосредственной опасности гитлеровского нападения КПЧ под руководством К. Готвальда развернула активную мобилизацию масс против фашизма и угрозы войны. В условиях гитлеровской оккупации страны партия продолжала героическую борьбу за восстановление независимости и свободы чехословацкого народа. К. Готвальд разработал стратегию и тактику национально-освободительной борьбы, и КПЧ стала ведущей силой в антифашистском движении Сопротивления. По предложению коммунистов был создан Национальный фронт Чехословакии, председателем которого стал К. Готвальд.

В результате освобождения Чехословакии Советской Армией с участием чехословацких воинов и партизан было возрождено на демократической основе самостоятельное государство чехов и словаков, восстановлена его свобода и независимость. В стране произошла народно-демократическая революция, которая привела к установлению нового, народно-демократического общественного строя. В мае 1946 года после победы КПЧ на выборах в Учредительное национальное собрание председатель КПЧ К. Готвальд возглавил правительство республики.

Велика его заслуга в выработке линии партии во время февральских событий 1948 года, в момент открытого столкновения рабочего класса с буржуазией, которая пыталась восстановить в стране старые порядки. Благодаря умелому руководству КПЧ трудящиеся одержали победу над реакцией. В февральские дни К. Готвальд вновь показал свое политическое искусство, проявив величайшую революционную решимость и талант вождя трудящихся масс.

В июне того же года впервые в истории страны президентом республики был избран рабочий, пламенный революционер, руководитель Коммунистической партии Чехословакии. А через год, на IX съезде партии, К. Готвальд выдвинул в качестве генеральной линии партии программу строительства социализма. Осуществляя ее под руководством КПЧ, трудящиеся добились больших успехов в развитии экономики, науки, культуры, в повышении благосостояния народа.

Клемент Готвальд принимал активное участие в международном коммунистическом движении, в деятельности Коммунистического Интернационала, в котором с 1928 года был членом Исполкома и с 1935 года — секретарем ИККИ. Он активно способствовал становлению стран народной демократии, развитию и упрочению мирового социализма.

Торжество социализма в Чехословакии К. Готвальд всегда связывал с дружбой с СССР. Развитие и упрочение советско-чехословацкой дружбы, всестороннее сотрудничество КПЧ с КПСС он считал одной из главных задач.

Коммунистическая партия Чехословакии и сегодня использует в своей деятельности наследие К. Готвальда. Его беспредельная преданность идеям марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма, творческое применение их в конкретных условиях страны служат и сейчас вдохновляющим примером, источником сил и знаний.

Как на одну из наиболее важных в деле строительства социализма задач К. Готвальд указывал на укрепление руководящей роли и единства Коммунистической партии, непримиримость к любым отступлениям от марксизма-ленинизма, бдительность в отношении оппортунистических и враждебных делу социализма элементов. Прозорливость вождя чехословацкого народа подтвердили события 1968 года в Чехословакии, когда правооппортунистические и антисоциалистические силы развернули открытое наступление против марксистско-ленинской линии партии, против социализма, пытались совершить контрреволюционный переворот. Рабочий класс под руководством верного готвальдовским заветам марксистско-ленинского ядра КПЧ нанес сокрушительное поражение этим силам и отстоял дело социализма.

80-ю годовщину со дня рождения К. Готвальда коммунисты, весь чехословацкий народ отмечают в обстановке огромного подъема творческих сил и больших успехов в осуществлении намеченной XV съездом КПЧ программы строительства развитого социалистического общества.

Вместе с коммунистами и трудящимися Чехословакии воздают дань глубочайшего уважения Клементу Готвальду советский народ, Коммунистическая партия Советского Союза. «Так же как вам,— отметил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в своем выступлении на XIV съезде КПЧ,— нам дорого имя выдающегося деятеля чехословацкого и мирового коммунистического движения товарища Клемента Готвальда, столь много сделавшего для развития и укрепления дружбы между советским и чехословацким народами».

С. ИВАНОВ

ВЫСОК ДОЛГ ХУДОЖ

Весомый вклад в художественную летопись нашего героического времени вносит многотысячный отряд мастеров кисти и резца Российской Федерации. С глубокой заинтересованностью в дальнейшем развитии изобразительного искусства собрались в Москве на IV съезд художников РСФСР его делегаты — живописцы, графики, скульпторы, искусствоведы из всех автономных республик, краев и областей России.

Съезд открылся 16 ноября в Большом Кремлевском дворце.

Аплодисментами встретили собравшиеся товарищей А. П. Кириленко, П. Н. Демичева, М. С. Соломенцева, И. В. Капитонова, М. В. Зимянина. С огромным воодушевлением был избран почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым.

Открытие съезда.

Фото В. Черединцева и В. Великжанина (ТАСС)

ПОД ЗНАМЕНЕМ ЕДИНСТВА И СПЛОЧЕННОСТИ

Четыре дня продолжался в Лиссабоне VIII съезд Португальской коммунистической партии. Его делегаты подвели итоги накопленного ПКП опыта борьбы за свержение фашизма, за строительство новой, демократической и независимой Португалии и наметили перспективы дальнейшей деятельности. Генеральным секретарем ПКП единогласно переизбран товарищ Алваро Куньял.

Вечером 14 ноября на столичном стадионе «Кампу пекену» состоялся грандиозный митинг, созванный компартией по случаю окончания работы съезда. Горячо встреченный присутствующими, с речью выступил глава делегации КПСС кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев. Между коммунистами Советского Союза и коммунистами Португалии, говорил в заключение он, между двумя нашими партиями вот уже более полувека назад сложились самые тесные, самые дружеские отношения. И эти отношения становятся все более тесными, все более братскими.

Политическая резолюция съезда охватывает целый ряд проблем, стоящих перед Португалией. Партия выдвинула предложения по преодолению нынешних трудностей как политического, так и экономического характера. «Португальские коммунисты,— подчеркивается в резолюции,— приложат все усилия, всю свою энергию для упрочения демократического режима и завоеваний революции».

На снимке: в президиуме съезда. На трибуне Генеральный секретарь ПКП Алваро Куньял.

Фото АДН—ТАСС.

ИЙ

НИКА

Выступивший с отчетным докладом правления Союза художников РСФСР председатель правления Г. М. Коржев подчеркнул, что российские художники, как и весь советский народ, сверяют свои планы с историческими решениями XXV съезда КПСС. Они считают своим первейшим гражданским долгом запечатлеть в живописных полотнах, графических листах, в скульптурных портретах и композициях образ советского человека 70-х годов.

Большое внимание уделил съезд творческой молодежи, ее идейно-творческому росту. В последние годы около 300 молодых художников Российской Федерации выезжали по путевкам комсомола в командировки на КМА, КамАЗ, БАМ, другие стройки пятилетки, стремясь рассказать зрителю прежде всего о нашей современности, о труде народа.

В докладе и выступлениях делегатов подчеркивалось, что российские художники в полной мере ощущают ответственность за участие изобразительного искусства в дальнейшем подъеме нашей культуры, за участие в формировании коммунистического сознания советского человека.

РАСИЗМ ОБРЕЧЕН

Владимир КУДРЯВЦЕВ

События в Южной Африке свидетельствуют о том, что вся политика международного империализма и местных расистов сводится к попыткам любыми средствами сохранить здесь свои привилегии и не допустить правления африканского большинства. Интересы империалистов в этом районе земли определяются не только огромными капиталовложениями, а следовательно, и жирными прибылями, но и стратегическим значением Южной Африки в планах западных государств.

Конечно, вслух об этом не говорят ни политические деятели Запада, ни их расистские союзники в Южной Африке, ни даже «свободная» западная буржуазная печать. Но вся программа действий, разработанная объединенными усилиями американской, западноевропейской и южноафриканской реакции, свидетельствует об этом с неопровержимой четкостью.

Как известно, в конце октября в Женеве была созвана так называемая конституционная конференция, призванная якобы «решить» родезийскую проблему. Поскольку «юридическим» хозяином Родезии до сих пор считается Англия, председателем конференции стал английский постоянный представитель при ООН Айвор Ричард. Уже с первых шагов конференции стало ясно, что и США, и Англия, и главарь родезийских расистов Смит выступают в Женеве заодно, точнее, за сохранение своего господства в Родезии. К этому в конце концов и сводится англо-американский план, подлинным автором которого является руководитель внешнеполитического ведомства США Г. Киссинджер и адвокатом которого стал на конференции тот же премьер-министр Родезии Ян Смит.

О чем повествует этот план? Прежде всего он устанавливает срок передачи власти в руки африканского большинства лишь к концу 1978 года. Смиту дается, таким образом, два года передышки. За это время должны быть сформированы временные переходные органы власти, состоящие из государственного совета и совета министров. Как госсовет, так и совет министров наполовину должны состоять из белых представителей и наполовину из африканцев. Но уже одно это заставляет спросить: где же тут власть африканского большинства? Председателем госсовета по плану намечается представитель белого меньшинства (кстати, на этот пост метит сам Ян Смит!). В совете министров посты министров обороны и внутренней безопасности должны также находиться в руках белых. Но и это еще не все. Ян Смит специально оговорил, что белые вооруженные силы и полиция будут продолжать борьбу против патриотов-партизан. Что за этим скрывается, показала недавняя вооруженная агрессия родезийских расистов против соседнего Мозамбика, проводившаяся якобы с целью ликвидации «партизанских» баз и учебных центров. На самом деле агрессия была направлена против самого Мозамбика, выступающего на стороне народа Зимбабве (африканское название Родезии) в его борьбе за ликвидацию расистского рабства.

Конференция, согласно точке зрения ее инициаторов, должна выработать новую конституцию, которая закрепила бы неоколониалистские порядки в стране, сохранив все привилегии белого меньшинства. Сразу же после завершения конференции (если, конечно, она примет англо-американский план) Ян Смит рассчитывает на то, что будут отменены все экономические санкции против его режима, принятые ООН, а также на увеличение иностранных капиталовложений в родезийскую экономику. Это помимо того, что США и Англия обещают Родезии около двух миллиардов долларов для выплаты компенсаций тем белым родезийцам, которые не пожелают оставаться в стране при новых условиях. Словом, все рассчитано на то, о чем Г. Киссинджер говорил Яну Смиту на переговорах с ним во время своего пребывания в Южной Африке. Он заверил тогда своего расистского союзника: США сделают все возможное, чтобы Родезия осталась в «свободном мире», то есть, попросту говоря, в орбите империализма.

Империалисты и расисты при этом во многом рассчитывали на раскол в рядах национально-освободительного движения народа Зимбабве. Однако их расчеты оказались построенными на песке. По инициативе лидеров этого движения Джошуа Нкомо и Роберта Мугабе был создан патриотический фронт, включивший все четыре течения национально-освободительного движения народа Зимбабве. Этот фронт потребовал на конференции, чтобы власть африканскому большинству была передана в течение 12 месяцев без всяких условий. Придя к власти, большинство само создаст органы власти и выработает конституцию. Кстати, следует отметить два обстоятельства, на которых часто спекулируют расисты. Во-первых, африканцы действительно предпочли бы прийти к законной власти мирным путем. Но сами империалисты и расисты не оставляют им иного пути, как вооруженная борьба. И, во-вторых, африканцы намерены создавать органы власти не в зависимости от цвета кожи, а исходя из коренных интересов африканского большинства.

Видя, что ему не удается навязать свою волю африканской части женевской конференции, Ян Смит покинул Женеву, что завело конференцию фактически в тупик, ибо стороны остаются на своих прежних позициях.

Национально-освободительное движение народа Зимбабве получает твердую поддержку от пяти «прифронтовых» стран — Танзании, Замбии, Анголы, Мозамбика и Ботсваны. XXXI сессия Генеральной Ассамблеи ООН приняла резолюции, в которых решительно осуждает южноафриканский расизм, признает законной борьбу против него вплоть до борьбы вооруженным путем.

Позиция Советского Союза в вопросах Южной Африки ясна и определенна. Она вытекает из принятой XXV съездом КПСС программы дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов. В этой программе полная ликвидация всех очагов колониализма и расизма выдвигается в качестве одной из важнейших международных задач современности.

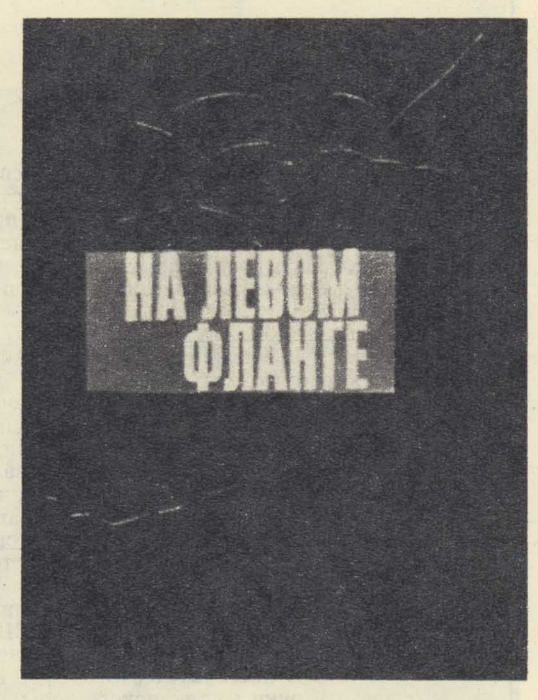
ГЕРОИ БЕССМЕРТНЫ

«Много раз я был на переднем крае боевых порядков частей на Малой земле. Должен признаться вам, товарищи, что более тяжелых и кровопролитных боев, чем на Малой земле, я, пожалуй, не видел за все четыре года пребывания на фронте...

Горела земля, плавился металл, рушился бетон... Бесчисленные атаки гитлеровцев разбились о железную стойкость наших воинов...» — так говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев, вручая городу-герою Новороссийску орден Ленина и Золотую Звезду.

Этим выступлением Генерального секретаря открывается сборник «На левом фланге», рассказывающий о легендарных воинах Малой земли, участниках Новороссийской наступательной операции. Осенью 1942 года происходило одно из крупнейших сражений Великой Отечественной войны — битва за Кавказ. Гитлеровское командование планировало овладеть нефтью Кавказа, хлебом Дона и Кубани. Фашистские политики и стратеги рассчитывали, что захват Закавказья откроет дорогу немецко-фашистским войскам в страны Ближнего Востока.

Но эти планы не сбылись. Захватчики потерпели поражение, потеряв около 400 тысяч солдат и офицеров, большое количество боевой техники и вооружения. В сражении за Кавказ одним из решающих факторов стала затяжная и кровопролитная борьба за Новороссийск. О ней и рассказывают в сборнике непосредственные участники тех героических событий. Они пишут, как был создан в районе цементных заводов Новороссийска огненный рубеж, который остановил наступление фашистов. О том, как суровой ночью в феврале 1943 года десантный отряд 18-й армии под командованием майора Цезаря Львовича Куникова сделал то, что казалось невозможным. Пробившись сквозь стену огня, десантники высадились на западной окраине города, захватили вначале небольшой, но очень важный плацдарм.

Отправляясь на задание, десантники дали клятву. Ее нельзя читать без волнения. «Идя в бой,— говорилось в ней,— мы даем клятву Родине в том, что будем действовать стремительно и смело, не щадя своей жизни ради победы над врагом. Волю свою, силы свои и кровь свою, капля за каплей, мы отдадим за счастье нашего народа, за тебя, горячо любимая Родина... Нашим законом есть и будет движение только вперед!»

Десантники сдержали клятву. Позади было Черное море, а впереди враг. И враг в течение 225 дней стремился сбросить их в море. Вначале он имел по крайней мере десятикратное превосходство в живой силе и технике. Бывали дни, когда число самолето-вылетов фашистской авиации достигало двух с половиной тысяч, атаки танков и пехоты следовали одна за другой. По клочку земли вели ураганный огонь десятки артиллерийских и минометных дивизионов врага. Малая земля приковала к себе крупные силы противника, держала его в постоянном напряжении и впоследствии сыграла важную роль в полном разгроме крупной группировки фашистских войск.

Авторы сборника с большой теплотой пишут о командующем армией генерале К. Н. Леселидзе, начальнике политотдела армии полковнике Л. И. Брежневе, о генералах, офицерах, солдатах и матросах, воевавших в районе Новороссийска. Бывшие десантники рассказывают, как в самые тяжелые дни боев с ними часто находился человек, которого все называли душой «малоземельцев»,— начальник политотдела армии Леонид Ильич Брежнев. Вспоминают, как он у причала, где то и дело рвались снаряды, спокойно разговаривал с «портовиками», как гордился десантниками, которым сам всегда показывал пример мужества.

О партийном руководстве печатью армии вспоминают военные журналисты. Командующий армией генерал Константин Николаевич Леселидзе, член Военного Совета генерал Семен Егорович Колонин, начальник политотдела полковник Леонид Ильич Брежнев ставили задачи перед редакцией армейской газеты, давали советы, отмечали лучшие материалы.

Леонид Ильич Брежнев бывал в редакции, приглашал к себе корреспондентов, только что приехавших из частей. Он внимательно расспрашивал о солдатских думах и чаяниях, о работе партийных и комсомольских организаций в ротах и батальонах. Начальник политотдела ценил конкретную информацию, всегда хотел знать о недостатках, с тем чтобы эти недостатки устранять.

Особенно Леонид Ильич отмечал те газетные публикации, в которых хорошо описывались подвиги воинов, их смекалка, боевое мастерство. Он советовал журналистам: «Пишите как можно проще, и только правду, упоминайте побольше имен, ведь у каждого есть мать, отец, жена, дети, им будет приятно хоть несколько слов прочесть про своего солдата».

Завершает сборник рассказ о встрече однополчан 18-й армии в Москве 12 мая 1976 года. Герои сражения за Кавказ, Новороссийск и Керчь собрались со всех концов страны в Центральном Доме Советской Армии. Сердечно, крепкими дружескими рукопожатиями встретили они Генерального секретаря ЦК КПСС, Маршала Советского Союза Леонида Ильича Брежнева — своего фронтового товарища, который прошел с солдатами и офицерами 18-й армии всю Великую Отечественную войну.

А. ГОЛИКОВ

На левом фланге. Составители В. Ф. Гладков и И. С. Семиохин. М., «Советская Россия», 1976, 304 стр.

УТВЕРЖДАЯ РЕАЛИЗМ

Огромное значение имеет для художников обобщение творческой практики советского искусства, обсуждение и решение актуальных проблем его развития с позиций марксистско-ленинской эстетики. Художники ждут от критиков и теоретиков живого и умного слова, разъясняющего пути современной живописи, скульптуры, графики, театрального и декоративно-прикладного искусства, анализа их успехов и достижений, ошибок и трудностей.

Книга доктора искусствоведения Виктора Владимировича Ванслова «Изобразительное искусство и проблемы эстетики» как раз и отвечает всем этим требованиям. Она содержит статьи, посвященные самым животрепещущим проблемам современного художественного творчества, которые освещают вопросы социалистического реализма в изобразительном искусстве на нынешнем его этапе.

В главе «Общественный прогресс и исторические судьбы искусства» автор ставит вопрос о закономерностях исторического развития художественного творчества. Критикуя идеалистические концепции, отрицающие или извращающие понятие прогресса в искусстве, он показывает, как на протяжении истории происходило развитие правдивого художественного познания мира, обогащались и углублялись возможности искусства. Социалистический реализм рассматривается автором как новый шаг вперед в художественном развитии человечества. Его становление и утверждение происходят в борьбе с тенденциями упадка и разложения, свойственными формалистическому, модернистскому искусству — порождению реакционной культуры капиталистических стран.

В последующих статьях, посвященных проблемам социалистического реализма и творческой деятельности Академии художеств СССР, проблемам развития и взаимообогащения национальных

культур, сюжету в живописи и другим вопросам, автор развивает эти идеи, критикуя модернистские влияния и ложные тенденции в нашем искусстве, утверждая и обосновывая реалистические принципы, сложившиеся и проявляющиеся в его лучших достижениях. Особого внимания заслуживает последняя статья — «Реализм и проблема «метафоры», где автор обосновывает суть реалистической образности и подвергает критике стремление превратить искусство в условный знак.

Книга В. В. Ванслова насыщена материалом современного искусства. Многие произведения советских художников анализируются в ней развернуто и конкретно, теория сочетается с критикой. Книга имеет боевой, публицистический характер, что не снижает ее научности. Художникам, искусствоведам, любителям искусства будет полезно ее прочитать, ибо она вводит в самую суть современных споров об искусстве, дает верное, последовательно реалистическое решение многих дискуссионных вопросов.

В постановлении ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» отмечалось, что «долг критики — глубоко анализировать явления, тенденции и закономерности современного художественного процесса». Книга В. В. Ванслова — одна из плодотворных попыток ответить на это требование.

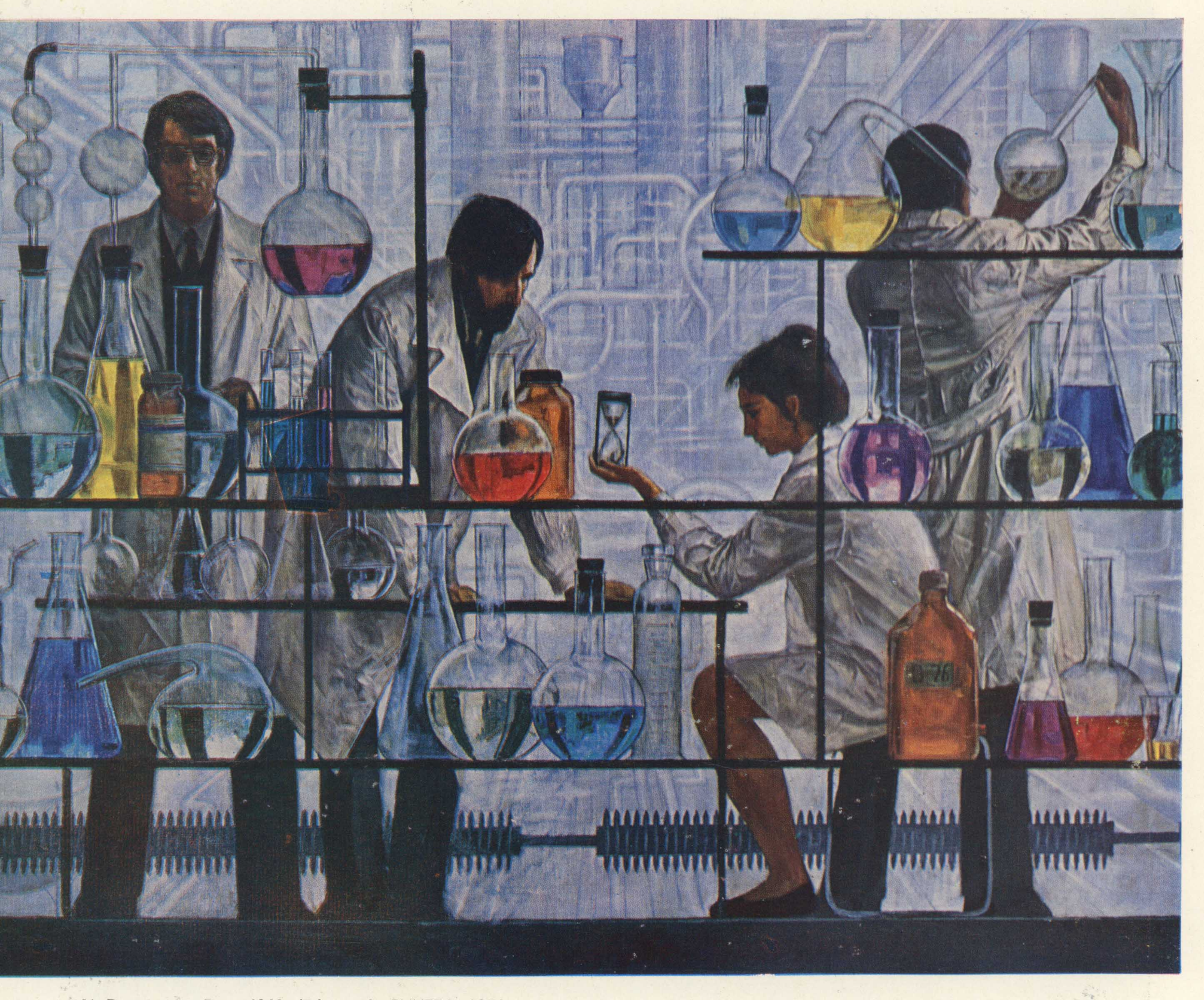
Ю. НЕПРИНЦЕВ,
Б. ПИНЧУК,
народные художники СССР

В. Ванслов. Изобразительное искусство и проблемы эстетики. Л., «Художник РСФСР», 1975, 228 стр.

Н. Шиняев. Род. 1949 (Элиста). ЧАБАН. 1975.

Всесоюзная выставка произведений молодых художников «Молодость страны».

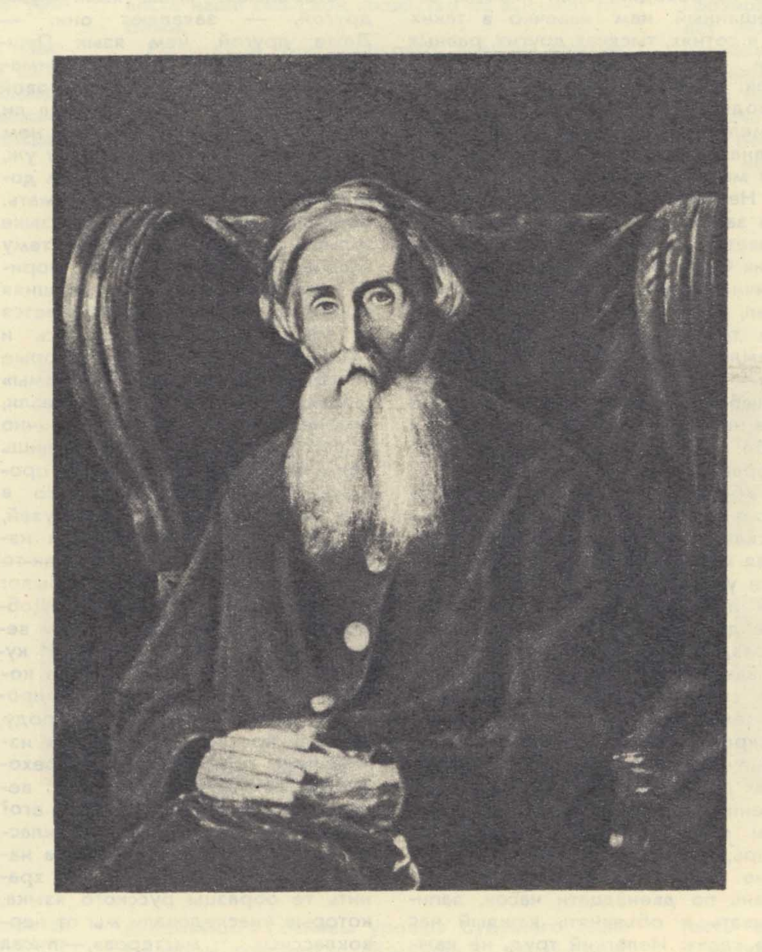

И. Вепхвадзе. Род. 1949 (Тбилиси). СИНТЕЗ. 1976.

Всесоюзная выставка произведений молодых художников «Молодость страны».

Я любил отчизну свою...

Юрий СЕЛЕЗНЕВ

«Я любил отчизну свою...» — эти слова Владимира Ивановича Даля, слова, воплощенные им в дело всей жизни, могли, должны высечь благодарные потомки великого подвижника народной культуры на его памятнике. Сам Даль «высек» эти слова в «Напутном слове» к своему «Толковому словарю живого великорусского языка», который вошел в наше сознание просто как Словарь Даля.

Созданный группой ученых семнадцатитомный «Словарь современного русского литературного языка», включивший в себя сто двадцать тысяч слов, академик М. В. Келдыш справедливо оценил как выдающийся научный труд. Какою же мерой оценить подвиг человека, который, по существу, в одиночку собрал впервые, истолковал, объединил в родственные гнезда, показал, как использует их сам творец — народ, подобрав едва ли не к каждому множество пословиц и поговорок, — двести двадцать тысяч слов?!.

Даль сказал о своем труде просто: «Я любил отчизну свою и принес ей должную мною крупицу по силам!» Долг перед отчизной — вот сознание, подвигавшее его на самоотверженное деяние. Наша память о Дале обращена не к прошлому, но к сегодняшнему и к вечному — это память и о нашем долге перед Родиной.

Патриотический труд создателя Словаря питался сознанием исполнения задачи огромной государственной, общенародной значимости. «Мы языка своего не знаем.., а что еще хуже, и не хотим его узнавать... Я смотрю на язык простонародный как на главный запас. Изучать надо нам народный язык».

Эти слова приобретают особый смысл, если вспомнить хотя бы один пример: даже такой русский мыслитель, как Чаадаев, писал философские размышления о судьбах России на французском языке, затрудняясь высказать свои мысли по-русски. И вовсе не из-за бедности русского языка. Пушкин выражал на природном своем языке понятия не менее сложные, нежели Чаадаев на французском.

Есть что-то глубоко символичное, глубоко закономерное в том, что именно Пушкин — «эхо русского народа» — подви́г, вдохновил Даля на его труд над Словарем. Чувство долга перед будущим диктовало лучшим людям России осознание необходимости собирания, сохранения и восприятия преданных осмеянию и забвению сокровищ народной мудрости и прежде всего — языка.

Как некогда, во времена Ивана Калиты, когда перед страной встала необходимость собирания земель воедино, так и в эпоху Пушкина и Даля сама история поставила задачу сохранения духовного и прежде всего — народного наследия тысячелетий. Тогда-то и прозвучали слова Даля: «Пришла пора подорожить народным языком...» Тем языком, о котором сказал Тургенев: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!.. Нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!» Словарь Даля явил воочию неисчерпаемые сокровища этого языка, показал его жизненность — и создание его было поступком вдохновляющим, вселяющим уверенность в будущее, ибо, по слову Герцена, «где не погибло слово, там и дело еще не погибло».

Даль был не просто тружеником-собирателем, он был мыслителем языка, прекрасно понимавшим, что за словом стоит многовековая история народа, что в слове отразился дух и смысл народных представлений, чаяний и упований. Он чувствовал непреходящую силу, заложенную в истинно глубинном слове. И как знать, не далевская ли мысль, подтвержденная делом, питала убежденность многих и многих русских писателей, мыслителей в том, что «язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое, историческое, живое целое» (К. Д. Ушинский).

Владимир Иванович Даль был поистине великим патриотом. «Во всю жизнь свою,— писал он о себе,— я искал случая поездить по Руси, знакомился с бытом народа, почитал народ за ядро и корень, а высшие сословия за цвет или плесень, по делу глядя, и почти с детства смесь нижегородского с французским была мне ненавистна по природе...»

Даль родился 10 ноября 1801 года в Лугани (нынешнем Ворошиловграде) в семье датского врача, приехавшего в Россию и в 1799 году принявшего русское подданство. «Отец мой выходец, а мое отечество Русь»,— напишет Даль в своем Словаре. Русские по рождению, «иностранцы» по мышлению, многие из недругов Даля не раз попрекали его «немцем». А он, делая свое великое дело, спокойно отвечал: «Ни прозвание, ни вероисповедание, ни самая кровь предков не делает человека принадлежностью той или другой народности. Дух, душа, человека — вот где надо искать принадлежности его к тому или другому народу. Чем же можно определить принадлежность духа? Конечно, проявлением духа — мыслью. Кто на каком языке думает, тот к тому народу и принадлежит. Я думаю по-русски». Кроме родного, русского, Даль владел многими языками. Но сердцем, мыслью был русский.

«К особенностям его любви к Руси,— считал Белинский,— принадлежит то, что он любит ее в корню, в самом стержне, основании ее, ибо он любит простого русского человека, на обиходном языке нашем называемого крестьянином и мужиком... Он умеет мыслить его головою, видеть его глазами, говорить его языком».

Двух-трех слов бывало достаточно услышать Далю, чтобы безошибочно определить, из каких мест необъятной России прибыли говорящие. И даже не просто мест, но и городов, сел... И эта безошибочность определялась не только научным знанием, но и прежде всего богатейшим личным опытом неутомимого странника, изъездившего в телеге и прошедшего пешком едва ли не все уголки России.

Жизнь Даля поистине удивительно наполнена: кажется, в ней было все, кроме ничегонеделания. Врач по образованию, морской офицер по службе, участник русско-турецкой войны 1828—1829 годов, награжденный за подвиги высокими наградами. Друг Пушкина, деливший с поэтом ра-

дости и тяготы нелегких в те времена путешествий по дорогам России; ему же как другу и как врачу довелось быть в скорбные предсмертные часы у постели поэта. Это ему шептал умирающий Пушкин: «Плохо, брат...» Это Даль расслышал последние слова поэта: «Жизнь кончена...». Это ему, Далю, завещал Пушкин свой «талисман» — перстень («Храни меня, мой талисман...»). Не сохранил... Неутомимый собиратель и исследователь народного языка («Я не пропустил дня, чтобы не записать речь, слово, оборот на пополнение своих запасов»,— писал о себе Даль), он изучает естественные науки, пишет и издает учебники: «Ботаника» и «Зоология», о которых высоко отзывались многие из его современников, в числе которых — и Добролюбов. Ведет раздел «Зверинец» в «Литературной газете», в котором помещает рассказы о животных. Даль был талантливый писатель, выступавший под именем Казака Луганского. Его сказки, рассказы из народного быта ценились, правда, по-разному. «Каждая его строчка меня учит и вразумляет, придвигая ближе к познанию русского быта и нашей народной жизни»,— писал, например, Гоголь; а вот Фаддей Венедиктович Булгарин счел сказки Даля «грязными, неприличными»; не пришлись по душе его рассказы и графу Бенкендорфу...

В 1838 году Академия наук избирает Даля членом-корреспондентом по отделению естественных наук. Сложнее обстояли дела с признанием его заслуг в лингвистике. И через много лет создателю беспримерного в истории мировой культуры Словаря не нашлось места в Российской Академии. Правда, его избрали почетным членом, но... после поистине благородного выступления М. П. Погодина, заявившего, что «русская Академия наук без Даля немыслима», и коль в ней не находится для него «свободного места», Погодин предложил академикам «бросить жребий, кому выйти из Академии вон, и упразднившееся место предоставить Далю».

А Даль пишет труд «О наречиях русского языка», продолжает изучать историю, этнографию, анатомию, содействует образованию отделения Русского географического общества в Оренбурге, собирает народные сказки, которые потом пополняют знаменитое собрание А. Н. Афанасьева; легенды, которые тоже войдут в книгу Афанасьева «Народные русские легенды»; песни, которые займут достойное место в сборнике П. В. Киреевского... Для себя Даль оставил работу над собранными им пословицами и поговорками. «Собрание пословиц — это свод народной, опытной премудрости, цвет здорового ума, житейская правда народа» — в этом определении Даля чувствуется отзыв слышанных и записанных им слов Пушкина: «А что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото!..» Даль собрал более тридцати тысяч образцов этой «житейской правды» — подлинно золотой запас духовного достояния народа.

«На пословицу суда нет» — гласит одна из народных истин, но каждому ли внятная? «Народ глуп и болтает всякий вздор»,— так отписал один из высокопоставленных рецензентов далевского сборника. «Живое слово дороже мертвой буквы» — Даль всею своей жизнью ратовал за такое народное слово. И мертвые буквы неприятелей были бессильны отменить мудрость, заключенную в поистине глубинные кладези пословиц: «Силен тот, кто валит, сильнее тот, кто поднимается»,— не эта ли истина воплощена и в любимой, подлинно символичной народной игрушке — в знаменитом (настолько, что днем с огнем нигде не сыщешь) ваньке-встаньке?

Многое из «житейского опыта» ушло в прошлое и сегодня представляет более исторический интерес, нежели живое наследие. Но непреходящ опыт народа, завещанный нам навечно в таких и в сотнях, тысячах других, равных им по значимости пословиц, как: «С родной земли — умри, не сходи!», «За правое дело стой смело!», «Лжей много, а правда одна», «Кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет»...

Нет, не только в таких, как будто закованных в духовную броню заветах явил нам народ — защитник Отечества — патриотизм, историчность, оптимизм своего сознания, но и в мудрости своего опыта труженика, радетеля родной земли, Родины: «Умирать собрался — рожь сей» — и в лукавой улыбке пословиц, вроде: «Авось да небось — так на Руси повелось», ибо: «Наше авось — не с дуба сорвалось»...

Убежденность в том, что корни правды, добра и красоты нужно искать в народе, бережно сохранять каждую крупицу его опыта,— эта убежденность лежала в основе подвижнической жизни Даля. Не для архивов и музеев, не для праздного любопытства, не ради славы и почестей посвятил он себя служению народной культуре, незаметному, «неблагодарному», «скромному», повседневному, ежечасному, ежеминутному труду. Как подсчитал один из его современных биографов, для того, чтобы составить только свой Словарь, Далю требовалось в течение полувека, работая каждый день по двенадцати часов, записывать и объяснять каждый час по слову. Нелегкий труд, не каждому доступный. Но когда же он выкраивал время на все остальные свои труды? Откуда черпал силы, какою волей обладал?!

«Муравей не по себе ношу тащит, да никто спасиба ему не молвит; а пчела по искорке носит, да богу и людям угождает» — одна из любимейших пословиц Даля, записанная им же. Нет, тут не пресловутая теория «малых дел», «маленького человека». В этой народной мудрости Даля открывалось иное. «Подвижник — доблестный делатель»,— толкует он в своем Словаре. Даль был сам воистину доблестным делателем огромного дела, собирающегося по искорке.

Великий подвижник народной культуры судьбой своей воплощал народную мудрость: «И Москва не сразу строилась» или в ином, более бытовом звучании: «Скоро кошки зачинаются, да слепы родятся». У народа учился Даль и подвижническому труду и мудрой «зрячести». Далекий от политических борений своей эпохи, казалось бы, всецело замкнутый в мире собирания и сохранения народного слова, Даль глядел далеко вперед, в наши дни, в еще более дальние дали времен, интуитивно угадывая значимость своей повседневной, упорной работы для потомков. В грустные минуты раздумий, сомнений, тревог Даль успокаивал себя этой верой в будущее:

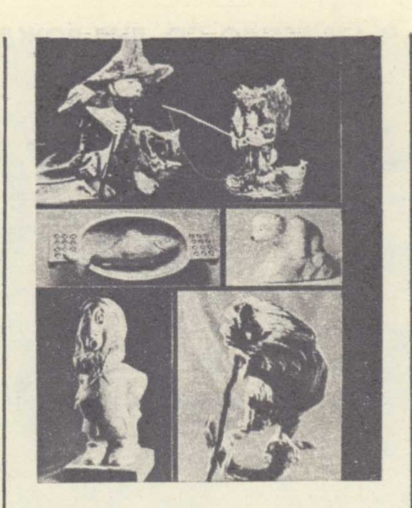
«Сами в себя должны мы углубиться, проснуться, очнуться, и тогда узнаем, как быть и что делать... нужно блюсти зарок тихо и свято в себе, делать неутомно, ровно и стойко, тянуть налогом лямку свою, не сдавая, хотя бы этого никто не видел, никто не знал...»

Подвиг Даля продолжается и сегодня. Потому что и сегодня еще не перевелись «теоретики», из тех, что еще пытаются убедить других в том, что «менее всего пристало нам относиться к языку с оторопью». «Наш язык — уже другой, — заявляют они. — Даже другой, чем язык Пушкина и Достоевского. Без понимания живой, текучей, гераклитовой природы русского языка вряд ли можно надеяться совершить в нем что-нибудь значительное». Тут уж, кажется, начинаешь кое о чем догадываться, а кое-что и понимать. Конечно, если видеть в языке только определенную «систему знаков» (по модным нынче теориям), то, безусловно, сегодняшняя «система» значительно отличается от той, которой пользовались и Пушкин и Достоевский. Некоторые из составных прошлой «системы» (слова, обороты) вовсе исчезли, другие воспринимаются архаично и сегодня могут служить лишь средством стилизации под прошлую эпоху. Все это так. Но в том-то и дело, что язык не музей, а сама жизнь. А жизнь, как известно, в «систему знаков» как-то не умещается. Сказано было: «...Язык Тургенева, Толстого, Добролюбова, Чернышевского — велик и могуч» (**В. И. Ленин**). И куда же, в какие теоретические колодки хотят подогнать **эту природу** русского языка? Ту природу, которая при всех его частных изменениях обеспечивает непреходящую сохранность главного: величия, правдивости и свободы его?

Мы чтим заветы и старые, классические, и рожденные уже в нашу эпоху. «Надо любить и хранить те образцы русского языка, которые унаследовали мы от первоклассных мастеров»,— писал Д. А. Фурманов. И эти слова, как мы знаем, только малая крупица в том общем, родственном им по своей природе многоголосье, которое мы называем истинным словом культуры, огромную лепту в которую внес и Владимир Иванович Даль.

Его наследие сегодня — это не только сами по себе Словарь, пословицы и поговорки, но и те плоды, которые выросли на почве, которую рыхлил, бороздил, засевал и Владимир Даль. К родникам народного слова, сбереженного им, подаренного истории культуры, припадали и Толстой, и Достоевский, и Чехов, и Горький, и Лесков, и, Пришвин, и Шолохов, и Леонов, и многие-многие современные писатели. Да только ли одни писатели!

Мера нашей памяти о таких тружениках, как Владимир Иванович Даль, мера нашего понимания целей и смысла их подвижничества — это мера уровня нашего сегодняшнего сознания, нашего собственного отношения к нравственным, духовным, литературнотворческим, культурным проблемам сегодняшнего дня. Это и мера нашего долга перед будущим, основы которого закладываются сегодня.

НА ПАМЯТЬ И НА РАДОСТЬ

Человек идет по лесу... Остановится у березы, потрогает ладонью светлую кору. Посидит на пригретом пне, проводит взглядом муравья с сухой травинкой. Посмотрит за кромку леса, туда, где лежит маленькое озеро, до дна просвеченное синим небом, и где обточенные водой коряги кажутся сказочными чудищами.

Потом в комнате станет тесно от этих коряг, узловатых сучьев, пней, липовых чурбанов. А человек — зовут его Савелий Андреевич Лукьянов,— поправив очки и раскурив папиросу, долго будет думать: что же притаилось в дереве и как это потаенное бережно извлечь на свет?

То ли от крестьянских предков, пахавших землю в Щигровском уезде Курской губернии, то ли от собственной любви к природе неожиданно, на удивление всем, кто знает этого старейшего работника издательства «Правда», проросла в нем тяга к удивительному рукоделию. Сначала брал почти готовое: вот змея, а вот птица... Потом научился видеть в сухах и корнях неясное, но чутко ждущее резца. Посмотрите на чудаков-рыбаков, на сову... Они сработаны из корневищ дуба; сколько людей переступило через них, спотыкаясь либо не замечая, а Савелий Андреевич не прошел — смотрел «в корень».

Однажды на выставке прикладного искусства встретил С. А. Лукьянов знаменитых богородских мастеров: они работали прямо здесь же, на людях. Поговорил с ними, попросил кусок липы и вырезал фигурку старика. И так полюбилось ему легкое теплое дерево, послушно откликающееся на каждое движение резца! Казалось, никогда еще он с таким нетерпением не ждал отпуска: хотелось с утра до вечера вдыхать душистый запах стружек, выдумывать, озорничать... Смотришь на его медвежонка, гнома, рыбу в тарелке и улыбаешься — столько доброты в этом рукоделии.

Дерево продолжает жить. На радость и на память людям.

В. ВАРЖАПЕТЯН

интервью «огонька»

А. В. ВЛАСОВ,
первый секретарь Чечено-Ингушского обкома КПСС

Фото Г. РОЗОВА

Первый год десятой пятилетки стал значительной вехой в развитии сельского хозяйства Чечено-Ингушской АССР. Несмотря на неблагоприятные погодные условия, в республике собран самый высокий за всю историю урожай колосовых.

Первый секретарь Чечено-Ингушского обкома КПСС АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ ВЛАСОВ в беседе с корреспондентом «Огонька» писателем Борисом Приваловым рассказывает о задачах, которые решает Чечено-Ингушская областная партийная организация.

хозе «Путь к коммунизму», Сунженского района, был выдвинут лозунг: «Каждому хозяйству — полуторагодовой запас кормов». Почин был подхвачен, и сейчас большинство хозяйств республики в основном обеспечили себя солидным запасом кормов.

Горская пословица гласит: «Запоминай дорогу, которой ты шел сегодня, иначе завтра ты не сможешь идти быстрее». В прошлом году обком партии одобрил опыт работы механизаторов Шелковского района, которые применили злобинский принцип бригадного подряда в сельском хозяйстве. В начале этого года в республике насчитывалось уже около двухсот механизированных отрядов, перешедших на аккордно-премиальную оплату труда. Это оказалось настолько эффективным, что именно та половина пахотной земли в республике, за которую отвечали эти отряды, и помогла в трудном (из-за погоды) 1976 году вывести наше сельское хозяйство на высокие рубежи.

Рекордный сбор колосовых, овощей, плодов, винограда в этом году — вот наиболее яркий результат деятельности механизированных отрядов.

Урожай-76 — важная веха на пути развития нашего сельского хозяйства. Сейчас уже закладываются основы урожая будущего года. Недаром говорится: «Комбайн с поля — плуг в борозду».

Не могу не назвать тех, чьи дела должны служить примером: знатного строителя республики Героя Социалистического Труда Шамсуды Хаджиева, бригадира комплексной хозрасчетной бригады Зоюо Орцханову с Назрановской трикотажной фабрики, бурильщика Старогрозненского управления буровых работ Василия Лаврикова, кукурузовода из Сунженского района Леонида Лебеденко, аппаратчицу Грозненского химкомбината имени 50-летия СССР Ирину Юровских. В этом году вновь засверкали имена знатного земледельца Героя Социалистического Труда, делегата XXV съезда КПСС Бауди Саидова, бурового мастера Малгобекского управления буровых работ, депутата Верховного Совета СССР Шарпудина Эсмурзиева.

В речи на совещании партийно-хозяйственного актива Казахстана Л. И. Брежнев сказал: «Долг партийных организаций, главная задача всей организаторской и политической работы — обеспечить, чтобы трудовая активность советских людей возрастала и впредь, чтобы их живое участие в решении коренных экономических проблем все более усиливалось».

Коммунисты республики никогда не забывают об этом требовании нашей партии.

— Не секрет, что нефтяные ресурсы Чечено-Ингушетии истощаются. Некогда всемирно известные грозненские промыслы сейчас занимают в масштабах страны скромное место. Как отражается уменьшение добычи черного золота на экономике Чечено-Ингушетии?

— В мире свирепствуют различные виды стихийных бедствий: ураганы, землетрясения, извержения вулканов, тайфуны и тому подобное. Не менее катастрофично истощение природных ресурсов в том или ином районе. «Всем хорошо известно, что после урагана или цунами разрушенные города быстро отстраиваются, становятся иной раз еще краше,— писал в своей книге «Катастрофы» американский журналист Арэд Вайн,— но если город строился «на нефти» или «на золоте», а они вдруг кончились, то такие города погибают навсегда».

Арэд Вайн имел в виду города-призраки в США, Центральной и Южной Америке, которые стали жертвой самой страшной болезни — лихорадки наживы. Капитализму уже давно не под силу решение крупных социальных проблем.

Чечено-Ингушетия в основном республика промышленная. Нефтяные месторождения Грозного начали эксплуатироваться почти сто лет назад, и это определило магистральное направление развития промышленности в прилегающих к промыслам районах: нефтедобыча и нефтепереработка. А в последние годы добыча нефти в республике сократилась. Еще рано говорить об окончательном истощении недр Грозненского нефтяного района (есть обнадеживающие данные, полученные в результате глубокого и сверхглубокого бурения), но факты — вещь упрямая: добываем нефти мы сейчас значительно меньше, чем в прошлые годы. Пресса некоторых буржуазных стран не раз публиковала сенсационные сообщения, что судьба города Грозного, одного из крупнейших на Северном Кавказе, решена: скоро он станет «городом-призраком». Однако в том-то и сила нашего социалистического строя, что забота о счастье человека, его благосостоянии, о его судьбе — главная забота партии. Один из старейших и опытнейших отрядов нефтяников нашей страны — грозненцы — по-прежнему на своих рабочих местах. Вы обратили внимание, как благоустраивается и растет столица нашей республики? И уж совсем не призрачен рост населения в Грозном.

Нефть будет. Задача — проникать дальше, осваивать мезозойские площади. Следует отметить, что не сказали своего решительного слова и старые эксплуатируемые площади. По подсчетам специалистов, там еще осталось много нефти. Если правильно использовать достижения науки и техники, передовой практики, освоить современные вторичные методы эксплуатации старых нефтяных скважин и извлечь оставшуюся нефть, то это будет равносильно открытию в стране нового крупного месторождения. Так что причин для беспокойства нет.

Вы были в заводской зоне и видели новые установки по переработке нефти. Многие из них еще строятся. Мощности их наращиваются. Реконструкция действующих предприя-

ЧТОБЫ ЗАВТРА ИДТИ БЫСТРЕЕ

— Александр Владимирович, завершается первый год десятой пятилетки. Чем, по вашему мнению, этот год отличается от предыдущего? Что нового появилось в жизни автономной республики?

— Есть чеченская поговорка: «Умное слово горы двигает». Именно такое слово — партийное, умное, вдохновляющее — было произнесено с трибуны XXV съезда КПСС Леонидом Ильичом Брежневым.

1976 год, год XXV съезда, стартовый год новой пятилетки, войдет в историю страны как период небывало высокого творческого подъема масс. Забота об общем деле, борьба за досрочное претворение в жизнь заданий десятой пятилетки стали девизом, кровным делом миллионов тружеников города и села.

Сейчас чаще, чем прежде, услышишь слова «чувство нового». Новое, как правило, начинается с малоприметного, на первый взгляд обычного явления. Задача партийного работника, партийного комитета — распознать, вовремя увидеть в каждом конкретном случае то, что наиболее перспективно, что может завтра перерасти в большое и полезное дело; закрепить новаторское начинание и сделать его достоянием всех.

В ответ на письмо Л. И. Брежнева хлеборобам Кубани труженики сельского хозяйства республики одними из первых в стране поддержали почин кубанцев и взяли повышенные социалистические обязательства. Это стало возможным только потому, что в нашей автономной республике в ту пору уже широким фронтом шло завоевание новых рубежей, шла ломка устаревших форм работы.

Хочу рассказать об одной инициативе. В кол-

тий — вот магистральный путь укрепления и развития экономики республики. Этой задаче нынче подчинена вся организаторская и политическая работа партийных организаций.

Сейчас мы получаем сырую нефть для переработки из многих районов страны. Это позволило сохранить кадры нефтяников и нефтепереработчиков. Так у нас всегда: когда требуется, тебе на помощь приходит вся страна.

Хочется продолжить эту мысль. В последние годы бурное развитие получили такие нефтедобывающие районы, как Тюмень, Мангышлак. Всем этим районам нефтяной Грозный протянул руку помощи. Для них Грозный стал кузницей кадров бурильщиков, эксплуатационников...

Мы подводим итоги, говорим о первых шагах в первом году новой пятилетки. Оглядываясь назад, мы не только видим успехи, но и самым критическим образом оцениваем процесс нашего продвижения вперед. Назову некоторые проблемы, которые требуют решения. Речь здесь идет о жилье для горожан — строится много, но этого еще недостаточно. На селе остается острой проблема высококвалифицированных кадров.

Есть и чисто местные задачи, специфические для горной республики: дороги, использование горных угодий, богатств леса.

Сейчас мы начали подготовку к научной конференции, которая рассмотрит перспективы развития экономики республики на ближайшие годы. На конференцию мы возлагаем большие надежды. Ее выводы, рекомендации позволят более рационально, разумнее использовать богатства горного края.

— Читателей всегда интересует проблема роста материального благосостояния трудящихся той или иной республики, края, области. Что вы хотели бы сказать в связи с этим о Чечено-Ингушетии?

— В этом году у нас было несколько землетрясений. Некоторые населенные пункты понесли ощутимые материальные потери. К счастью, жертв не было. На помощь нам тут же пришли все республики. Таков наш строй. Мы живем в дружной семье советских народов, жизнь которых взаимосвязана. Наша республика, пожалуй, пока еще больше берет у своих могучих братьев, чем дает им. Тем не менее многое мы можем делать сами. За годы пятилетки войдет в строй более двух миллионов квадратных метров жилья — это на сорок процентов больше, чем в девятом пятилетии. Почти на двадцать процентов увеличится розничный товарооборот, в полтора раза возрастет объем бытовых услуг в новой пятилетке.

Перед сельским хозяйством ставится задача полностью обеспечить республику мясом и молоком.

Больше станет современных кинотеатров, домов культуры, эстрадных площадок. Справят новоселья Чечено-Ингушский и Русский драматический театры.

— И последний, может быть, несколько неожиданный вопрос: о чем вы мечтаете?

— Давайте поставим вопрос точнее: какие проблемы ближайшего будущего меня волнуют.

Сейчас установлено, что наша республика — один из центров геотермической активности и под нами — океан горячей минеральной воды! Скважина № 6 в Гудермесе, которую считали бесполезной, вдруг ударила фонтаном кипятка. Сейчас разрабатываются проекты использования горячей природной воды в народном хозяйстве. Совхоз «Тепличный» уже отапливает свои стеклянные цеха природным кипятком и выращивает овощи для городов.

Мы еще иногда не вполне доверяем природе и много на этом теряем. Следует действовать смелее. Вот совхоз «Бурунный» решил освоить пески, которых, к сожалению, у нас очень много. И опыт удался: на песках стал расти виноград. На неудобных, засоленных почвах (низменности Чечено-Ингушетии были дном древнего моря) теперь растет рис. Именно на «мертвых» землях расположены основные рисосеющие хозяйства республики.

Проблема, о решении которой мечтают у нас многие руководители районных, городских, республиканских организаций и с которой нам без активного вмешательства ученых

Здесь, на «Бурунной», проходят сверхглубокую скважину.

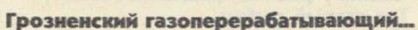

Коллектив бурильщиков, руководимый Л. Я. Бучневым.

и научно-исследовательских учреждений не справиться,— это как можно скорее и полнее узнать о наших истинных природных богатствах, чтобы максимально их использовать.

До революции кто-то подсчитал, что в 1980 году чеченцы и ингуши полностью исчезнут с лица земли. Октябрьская революция и тут внесла свою поправку: сейчас наша республика по росту рождаемости — на одном из первых мест в стране. Все актуальнее становится проблема использования людских ресурсов, занятости подрастающего поколения. Я уже говорил о предстоящей в 1977 году научной конференции по развитию производительных сил республики, по научно-перспективному планированию ее народного хо-

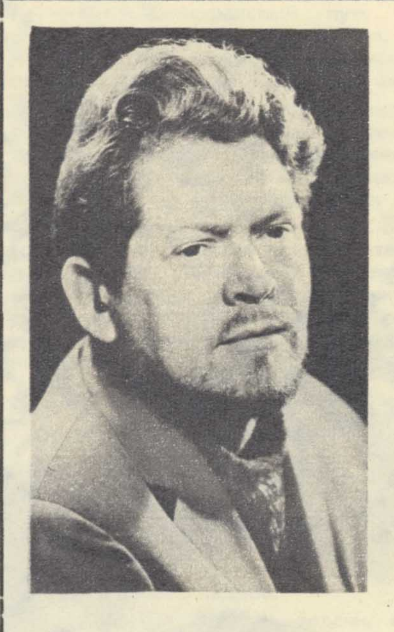
Грозненский газоперерабатывающий...

Знатный чабан Герой Социалистического Труда М. Д. Бахмадов.

зяйства. Еще раз хочу подчеркнуть: мы многого ждем от этой конференции.

Как и всегда, это уже стало доброй традицией, трудящиеся Чечено-Ингушетии соревнуются с соседними автономными республиками — Дагестаном, Кабардино-Балкарией, Северной Осетией. Это взаимно обогащает нас передовым опытом, помогает решать крупные экономические проблемы. И когда идет разговор о наших планах, мы не рассматриваем их изолированно — все республики вместе, коллективно, комплексно будут решать вопросы, связанные с освоением неисчислимых и пока почти не тронутых природных богатств Северного Кавказа.

Пятилетка качества и эффективности — стартовая площадка для перехода всей нашей страны на новую орбиту. Чечено-Ингушская автономная республика приложит все усилия, чтобы вложить в этот великий процесс как можно больше и принести стране максимум пользы.

ПОДВИГ

Игорь КОБЗЕВ

ПОЭМА

1

Есть легенда:
Летел над землею дракон,
Рассыпая печали и горе,
Но, стрелою охотника
В сердце сражен,
Он упал прямо в синее море.

И где, падая вниз,
Он волну расплескал
Над покоем лазурного лона,
Поднялись из пучины
Три тысячи скал —
Как измятые ребра дракона.

Мир чудесней тех скал
Не видал никогда!
Эти скалы — в заливе Ха Лонге.
Люди всех континентов
Стремятся туда,
Их везут краснокрылые джонки.

Там раскинули листья
Бамбук и банан,
Густо манго свисают с откосов.
Там сплетаются змеи
Ползучих лиан
С золотыми шарами кокосов...

Я с мальчишеских лет
Пристрастился к мечтам:
Как добраться до этой сторонки?
Ан и впрямь: довелось мне
Увидеть Вьетнам,
Побывать в знаменитом Ха Лонге.

Как в стихах рассказать,
Что за чудо-страна
Мне представилась с первого
взгляда?
Даже память о ней
Мне звенит как струна
Колдовского восточного лада...

Я по «ребрам дракона»
Ногами ступал,
В душных пагодах спорил
с богами,
Слушал песни матросов
И лотосы рвал,
Пил жасминовый чай с рыбаками.

Я дивился в душе:
Как вьетнамцы нежны!
Как одежды их белы и чисты!
Как с рожденья они
Неподдельно дружны!
Как их песни светлы и лучисты!

По утрам над заливом
Клубился рассвет,
Пахло сладостью влажного зноя,
Разомлевшее солнце —
Как усталый пловец —
Разгребало пространство морское.

И, влюбленный в прекрасную
землю,
Народ
Торопился приветить рассветы:
Гулким стуком встречали
Румяный восход
Деловых каблучков кастаньеты.

Земледельцы,
Сажавшие рис или чай,
Любовались лазоревым утром;
И художники лаком писали
Свой край,
Украшая пейзаж перламутром.

Незнакомые птицы
Кричали вдали,
И задумчиво пальмы кивали,
И качалися белые корабли —
Будто лебеди зерна клевали.

2

Про зеленый залив,
Про мозаику скал,
Про ущелья коралловых рифов
Век за веком народ
Сотни песен слагал.
Сотни дивных, пленительных
мифов.

Чуть от сонной зари заалеет
Ха Лонг,
Чуть роса пораскинет алмазы,
Мой душевный попутчик
Поэт Нгок Кыонг
Мне дарил эти песни и сказы.

Помню сказ:
Как нагрянул дракон, весь в огне,
Землю жег,
Сыпал искрами углей,
И на бой с ним малыш
На железном коне
Прискакал из пылающих джунглей.

Помню миф:
Как запрятанный в озере меч
Отыскала для битв черепаха,
И в минуты беды
Вражьи головы с плеч
Безотказно косил он с размаха.

Помню дивную сагу
Седой старины:
Как надвинулось войско чужое,
Как осилить врага
Помогали слоны.
До сих пор «Храм слонов» есть
в Ханое.

Видно, с давних времен
Люди этой земли
Много горя хлебнули на свете.
Потому об одном лишь
Там думать могли,
Об одном лишь мечтать:
о победе!

И хоть часто порой
Для военных побед
Их земле своих сил не хватало,
Но отчизна героев
С незапамятных лет
В них бойцовский характер ковала.

О живые сердца
Разбивалась война —
Будто миф их чеканил из меди:
Мол, придут времена!
Еще будет верна
Вековая мечта о победе!

Все, что добрая сказка
Ждала и звала,
Не прошло, не развеялось пылью.
Очень важно,
Чтоб сказка в народе жила,
Ан глядишь — оборотится былью!

3

Той весною Вьетнам
Отдыхал от тревог.
Не стрелу, не осколок металла,
Я на память привез
Из залива Ха Лонг
Белоснежную ветку коралла...

По-вьетнамски «советский»
Звучит как «лен со».
(Впрямь в честь Ленина создано
слово!)

Одного рыбака
Пожилое лицо
Мне порой вспоминается снова.

Сколько раз говорил мне
Тот старый рыбак,
Щуря лаской глаза чуть косые:
— Друг лен со,
Покури мой душистый табак.
Друг лен со, расскажи о России!

Тот рыбак со скалистых
Морских берегов
Был — как жилистый стебель
бамбука:

Это он на войне
Два десятка врагов
Пристрелил из обычного лука.

Не драконы — французы
Сжигали траву,
Жали «техникой»!
С наглостью! С помпой!
Из стальной своей крепости
Дьен Бьен Фу
Зубы скалили атомной бомбой!..

Из скалистой пещеры
Мудрец Хо Ши Мин
Направлял боевые отряды.
А из дальней страны
Плыли ящики мин,
Пулеметы, ракеты, снаряды.

Потому-то, табанящий в джонке
Рыбак —
Под оранжевыми парусами —
Светлоглазого гостя
Расспрашивал так
О далекой земле за морями.

И, забыв
О тринадцати тысячах верст,
От России меня отделявших,
Говорил я о зорях
Рубиновых звезд,
О просторах, о спутниках
наших...

Я не просто вещал
О Советской стране,
Мое сердце от гордости пело:
Мне казалось, Отчизна
Доверила мне
Мировой Революции дело!

А рыбак
Любознательный был человек,
И вопросов не таяла груда.
— Друг лен со, расскажи мне
Про ваш русский снег.
Как представить подобное чудо?..

От Москвы до Ханоя
Не близки пути.
Все туда самолетом летают.
Сколько раз я просил
Русский снег привезти,
Говорят: даже в термосе тает.

И рассказывал я
О веселой зиме,
О пушистом, порхающем снеге,
Как из сумрачных туч
Он парит в полутьме,
Одевая стволы и побеги;

Как полгода он спит
На просторах полей,
Вея сластью морозного духа,
Чище чистой бумаги,
Белей простыней,
Серебристей лебяжьего пуха...

ВЬЕТНАМА

Мой знакомый рыбак
Головою кивал:
Все, мол, понял и взял на заметку.
И на память вручил мне
Тонкинский коралл —
Белопенную, пышную ветку.

Как друзья-побратимы
Расстались мы с ним,
И увез я с собою надолго
Эту южную копию
Северных зим
И слезу рыбака из Ха Лонга.

На распутьях вьетнамских
Прибрежных дорог,
В дальних джунглях,
Где полдень так жарок,
Я носил на ладонях
И зорко берег
Мой прекрасный и хрупкий
подарок.

До сих пор я дивлюсь,
Что совсем не мороз
Создал этот нетающий иней,
Эту ветку —
Нежнее стыдливых мимоз,
Удивительней роз и глициний!..

4

В моем сердце Хонгай,
И Хайфон, и Ханой,
И заветное имя Ха Лонга
Отзываются звонкой
Задорной струной,
Огневыми ударами гонга.

С первой встречи
В далеком маршруте своем
До прощального с ними момента
Видел я, как вьетнамцы
Едины во всем —
От рабочего до президента.

Мы в Ханой из Москвы
Привезли — как презент —
Переводы стихов Хо Ши Мина.
В том, что нас на прием
Пригласил президент,
Здесь была
Основная причина...

Как я рад был, что рядом,
Вблизи увидал
Мудреца,
Что так дорог народу,
Что под пологом джунглей
В армаду сковал
Миллионы борцов
За свободу.

Сколько песен и гимнов
Сложили о нем,
А вот он
По дворцовым дорожкам
«Щеголяет» — я видел —
В кителечке простом,
В деревенских
Простых босоножках...

— Вам спасибо за книгу,
Но я — не поэт.—
Хо Ши Мин озорно улыбнулся.—
Довелось мне по тюрьмам сидеть
Много лет,
Там от скуки к стихам
прикоснулся.

Но, видать, он всерьез
Пристрастился к стихам!
И, ничуть не тая увлеченья,
Президент с пониманьем
Рассказывал нам
Суть вьетнамского стихосложенья.

Он, как гид, нас знакомил
С землею чудес:
Говорил о народных поверьях,
О плодах замечательных
«Хлебных древес»,
О целебных и ценных растеньях.

— А еще,— он сказал,—
Во Вьетнаме у нас
Есть такая трава кормовая,
Что сама в наступленье
Идет всякий час,
Весь земельный простор
покрывая.

Хо Ши Мин посмотрел за окно,
В синеву.
Взгляд зажегся сияньем
лучистым.
— Хорошо, что крестьяне
Такую траву
Окрестили «травой коммунистов»!

И, построив искусный мосток
От травы,
Речь повел о борьбе,
о крестьянах,
О надеждах страны,
О поддержке Москвы,
О великих и праведных планах.

И я верил: дни рабства
Не вернутся назад!
Не жалея ни силы, ни жизни,
Он, с садовником схожий,
Славный вырастит сад
На своей бирюзовой отчизне!

Ну, а нам — уже срок
Возвращаться домой.
Как тоска, подкатила разлука.
Ананасный, ажурный и нежный
Ханой
Помахал нам ветвями бамбука.

И на долгие годы
Осталась вдали
Влажных ветров рассветная
ласка,
Голубая сережка
Приморской земли,
Безметельная, южная сказка...

5

Но, однако, не долго
Мне снился Вьетнам —
Будто копия райского сада,
Потому что врагами
Готовилась там
Киносъемка библейского ада!

Что всех древних драконов
Жестокая власть?!
Что все грозные мифы вьетнамцев
Перед тою грозою,
Когда началась
Интервенция американцев?!

Минометы! Ракеты!
Фугас и напалм!
Вся земля, как зола, задымилась.
Ровно огненный смерч
Из-за моря напал!
Ровно ясное солнце затмилось!

Это зверь,
Это враг всякой жизни живой
Здесь пытал: велика ль его сила?
Больше, чем в беспощадной
Второй мировой
Здесь вколочено в землю
тротила!

Сердце боль разрывала,
И дух замирал
Перед этим насильем неправым!
Мне казалось в ту пору:
Мой белый коралл
Стал нежданно багрово-кровавым!

Я без скорби и гнева
Представить не мог,
Как над джунглями пламя
полышет.
Жив ли старый рыбак?
Где теперь Нгок Кыонг?
Почему он так долго не пишет?

Как возможен на свете
Подобный позор:
Подвергать минометным атакам
Нежных сахарных пагод
Ажурный фарфор,
Сказку-живопись с ласковым
лаком?!

Ну, да разве столкуешься
С тем вороньем,
Что терзать этот край налетало?
Начиненное жвачкой,
Вином да враньем,
Оно сроду пощады не знало!

Здесь сошлись на расправу
Жандармы земли,
Те, что злобно карали корейцев,
Те, что негров травили,
Те, что напрочь смели
Вековую культуру индейцев!

Всю свою индустрию,
Всю груду машин,
Все штабы, все картели, все
банки,
Тщась стремленье к свободе
Навек задушить,
Все на карту поставили «янки»!

Но — как доблестный витязь —
Вьетнамский народ
Смело вышел на путь испытаний,
Не считая великих потерь
И невзгод,
Не пугаясь жестоких страданий.

Поединок бойца
Поддержали друзья —
Встали в ряд, на отпор лихолетью.
И навек стало ясно,
Что больше нельзя
Сечь планету плантаторской
плетью!

Как я счастлив,
Что жить мне эпоха дала
В этот срок исторической пробы,
Доказавшей, что могут быть
Силы Добра
Выше сил разрушенья и злобы!

Что за праздник народам
Вьетнам подарил!
Пусть рокочут фанфары и трубы!
Навсегда здесь
Заморское стадо «горилл»
Обломало железные зубы!

По примеру Вьетнама
Много стран поднялось,
Много рук кандалы раскололо:
Победила Кампучия,
Сбросил цепи Лаос,
И добилась победы Ангола!

По ночным рубежам,
Где свинцовая мгла,
По лесам, по ущельям
кремнистым,
Как мечтал Хо Ши Мин,
В наступленье пошла
Заревая «трава коммунистов».

Как былой пилигрим,
Что спешил побывать
На ступенях «священного храма»,
Так хотел бы я снова
Вблизи увидать
Драгоценную землю Вьетнама!

Опаленным камням,
Незнакомым друзьям,
Каждой девушке, каждому деду
Я при встрече сказал бы:
— Спасибо, Вьетнам!
За упорство твое!
За Победу!

Ханой — Москва.

Б. СОПЕЛЬНЯК
Фото М. САВИНА
Специальные корреспонденты «Огонька»

«ОКЕАН» НА ЮЖНОМ БУГЕ

Вто утро, 9 октября 1976 года, я оказался в утлой лодчонке посреди стеклянно застывших вод Южного Буга. Уныло свесились удилища, дремотно покачивались поплавки, за спиной приглушенно громыхал завод, а мой сосед курил одну за другой сигареты и совсем не по-рыбацки был оживлен. Сегодня день, которого он ждал... сорок один год. Накануне Владимир Филиппович Сичкарюк сказал мне, что спать он все равно не будет: или проторчит всю ночь на балконе и выкурит не одну пачку сигарет, или отправится на рыбалку, которая вроде бы отвлекает от всех забот. Да и поговорить можно спокойно, без свидетелей: разговоры о себе на людях Владимир Филиппович терпеть не может. Так на рассвете я оказался в лодке Сичкарюка, бригадира судостроителей.

Интервью складывалось необычно. Вместо того, чтобы въедливо расспрашивать, где родился и учился, как работал и служил мой собеседник, я уставился на кромку плоского берега, поддерживающего небо пирамидами тополей, и терпеливо ждал своего часа.

Одна за другой гасли звезды. Последняя, голубоватая, долго не сдавалась, а потом вдруг скатилась куда-то в море, распушив оранжеволисий хвост. Стало тихо-тихо... И вдруг за сразу потемневшими тополями брызнул такой яркий, такой радостный и праздничный свет, что все живое вмиг проснулось, зашелестело, заплескалось, загомонило. Взлетели тучи чаек, со свистом прошивали воздух ласточки, здоровенные рыбины, и те вынырнули на поверхность, шлепая хвостами. Поплавки, правда, были по-прежнему безмятежны. А Владимир Филиппович вскочил и, раскачивая лодку, забыв о возрасте, что есть мочи закричал: «Ого-го-го-о!» За излучиной кто-то ответил: «Эге-ге-ге-е!»

— Что я говорил, а?! Я же говорил вам, что этот день не может быть плохим! Смотрите — ни облачка, ни тучки! Это же наш день! Господи, через что я только не прошел, чтобы приблизить этот день! Сколько на ваших? — неожиданно спросил он.

— Шесть десять,— ответил я.

— Ладно, время еще есть... Сегодня можно кое-что вспомнить. Посмотрите: во-он там небольшая балка, а рядом Балабановская коса. Здесь-то и жили мои предки — потомственные корабелы. Отец был клепальщиком, дед и прадед плотничали. Это они строили фрегаты, а потом и броненосцы, на которых завоевывали славу флоту российскому адмиралы Ушаков, Корнилов, Нахимов и Макаров... Не мог я изменить делу предков. И в тридцать пятом семнадцатилетним парнишкой пришел на верфь... Смотрю иной раз на свои руки и думаю: сколько судов они заложили и спустили на воду! Сухогрузы, танкеры, буксиры, рудовозы... Правда, и потопить пришлось немало. Воевал я с первого до последнего дня: начал на финской границе, а закончил в Германии. Воевал в воздушно-десантных войсках, но случалось помогать и морякам. После одной из таких операций я стал коммунистом: партбилет мне вручили весной сорок пятого под Будапештом.

В послевоенные годы довелось работать не только в родном Николаеве, но также на Севере и в Калининграде. А в пятьдесят шестом пришел сюда, на завод «Океан». Тогда здесь делали обыкновенные баржи. Кстати, этого берега я не узнал: до войны его вообще не было, и вода плескалась далеко-далеко отсюда. А потом земснаряды намыли горы песка, бульдозеры их разровняли, и на этой площадке вырос наш завод. Так-то вот... Сколько там времени? — снова озабоченно спросил он.

— Шесть тридцать пять.

— Ого! Давай-ка полным ходом к берегу! — скомандовал Владимир Филиппович.— Дело-то предстоит серьезное. Мало ли какая неуправка? На всякий случай надо быть поближе.

Я сел за весла, Владимир Филиппович — за руль, и в шесть сорок пять мы были на пирсе Октябрьского судостроительного завода «Океан».

— Теперь, парень, ноги в руки, а то прозеваем все на свете! — крикнул он на ходу и так припустил между цехами, складами и горами железа, что я едва поспевал. И вдруг прямо над головой прогремел усиленный динамиками голос:

— Внимание, внимание! Через десять минут открываю задвижки. Всем покинуть днище дока!

Мы поднажали — и вот он, красавец док! Представьте гигантское бетонное корыто длиной в несколько сот метров и такое глубокое, что в него можно спрятать семиэтажный дом. При желании док можно перегородить и одновременно строить здесь два судна. Уровень воды в реке на четырнадцать метров выше днища дока. Давление на ворота — их называют основной затвор — огромное, но люди работают спокойно: в док не просачивается ни капли.

Сейчас док пуст. Абсолютно пуст, если не считать готового к выводу огромного рудовоза «Ион Солтыс». Кстати, тут говорят не «спуск судна», а «вывод из дока». Длина рудовоза — 214 метров, а водоизмещение — 63 тысячи тонн.

...Снова загремел динамик. Тот же голос, теперь, правда, с легким грузинским акцентом, приказал:

— Товарищ Кочубей! Открыть северную и южную задвижки дока!

И вот ровно в семь утра через решетки, расположенные в днище дока, пошла первая вода. Сперва она ползла словно нехотя, а потом ринулась яростно, с клекотом и ревом! Прошло десять, пятнадцать, двадцать минут... Владимир Филиппович не шелохнувшись смотрел вниз. Потом вдруг стиснул мою руку.

— Сейчас будет самое главное. Сейчас будет первая встреча корабля с водой. Она ведь не простая, эта встреча, она опасная.

Семь часов тридцать минут! На первый взгляд ничего особенного не произошло: вода коснулась носа судна. Еще мгновение — и огромный рудовоз вздрогнул, напрягся всеми стрингерами и шпангоутами. Колыхнулись мачты. Скрежетнул корпус. Все замерли! Нагрузки на корпус в этот момент огромны. Вода между тем все прибывала и прибывала, принимая на свои плечи судно. Но вот корабль качнулся; дрогнул винт. Все!.. Рудовоз «Ион Солтыс» покачивался на плаву, а люди, облегченно вздохнув, разошлись по своим делам.

В восемь сорок пять док заполнился, и главный инженер завода Нодари Викторович Чантурия приказал: «Открыть основной затвор!»

Теперь, когда «Ион Солтыс», если так можно выразиться, выкарабкался из дока и стал вровень с Южным Бугом, стало видно, какая это громадина.

— Такие вот игрушки мы и делаем! — озорно сказал Владимир Филиппович.— Но это только начало. Сегодня заложим корабль в два

Красный флаг в честь победы судостроителей.
Судосборщик Владимир Крыжановский.

Сегодня — день открытых ворот.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Митинг, посвященный выводу «Иона Солтыса» из дока.

ПЯТИЛЕТКЕ —
ТРУД!

ИОН СОЛТЫС
БЕРЕГИСЬ БУЛЬБА
BEWARE OF BULB

ALEKSANDR TORTSEV
МБ-0053

раза больше этого! Первую секцию для нового гиганта собирала моя бригада. Закладка судна не менее ответственное дело, чем вывод его из дока. Так что пойду проверю, все ли там в порядке.

Тем временем площадь около дока заполнялась людьми. Жены судостроителей, матери, отцы, деды, дети: сегодня праздник, сегодня — день открытых ворот. Гости принаряжены, с цветами и гирляндами. Говорят, что в это утро на улицах не было ни души: все пришли на завод. Недаром же они живут в Корабельном районе!

Горделиво и мощно покачивался на волне «Ион Солтыс». Вот села у борта первая чайка, плеснула у винта первая рыбина, взвились на мачте первые флаги расцвечивания.

Корабль! Сколько вложено в него труда, ума, таланта! Сколько бессонных ночей провели конструкторы, рассчитывая его обводы, сколько седин нажили инженеры, проектируя и испытывая многочисленные механизмы, узлы, сколько сметки, умения вложили рабочие, чтобы воплотить все это в металл, ставший теперь рудовозом «Ион Солтыс».

— Рудовозы — наша гордость, наша слава. Таких судов не строит ни один завод страны. И все же эти гиганты — для нас вчерашний день,— рассказывал директор завода А. А. Малярчук.— Сегодня именинник не «Ион Солтыс»— это уже не первое судно подобного типа. Главный герой сегодняшнего торжества пока что существует в чертежах да в воображении главного конструктора. Это нефтерудовоз «Борис Бутома». Таких кораблей в Советском Союзе еще не строили, и то, что начинаем это дело мы, практически самый молодой судостроительный завод страны — нам всего двадцать пять лет,— для нас особенно почетно.

...А народ все шел и шел. Появился оркестр, грянула музыка. Прибыли почетные гости. Бегали озабоченные корабелы в пластмассовых касках.

Но вот прозвучал фанфарный сигнал «Слушайте все»:

— Закладка головного нефтерудовоза «Борис Бутома» разрешена!

Все двинулись к хвостовой части дока, отделенной от своеобразной ванны, где плавал «Ион Солтыс», надежными задвижками. И тут я увидел В. Ф. Сичкарюка. Он хлопотал со своей молодежной бригадой около огромной кормовой секции. Таких больших и сложных здесь еще не делали. Первая секция для первого совершенно необычного судна. Теперь мне стало понятно волнение старого корабела: начиналась новая эпоха в отечественном судостроении. И он, В. Ф. Сичкарюк,— у истоков.

Наконец Владимир Филиппович дал команду, и крановщик Петр Кучер, подняв 280-тонную махину, бережно пронес ее и мягко поставил на опоры. Почетные гости, в их числе и Георгий Бутома, сын Бориса Бутомы, в память о котором и назван нефтерудовоз, привинчивают так называемую закладную доску. Гремит салют, звучит Гимн Советского Союза, летят в воздух шапки, кепки, каски, разнеслось громкоголосое «Ура-а!». Владимир Филиппович, не стыдясь, смахнул слезу и обнял своих ребят.

— Хлопчики вы мои дорогие! Запомните этот день! Сорок один год ждал его. Я-то шел от простой баржи, а вы сразу начали с самого сложного, что может быть в судостроении.

А чуть в сторонке стоял седой, стриженный под ежик человек и смотрел не на первую секцию, а куда-то вперед, туда, где плавал «Ион Солтыс». Это был главный конструктор Александр Филиппович Цыбенко. Пока что, вероятно, только он и видел целиком этот нефтерудовоз водоизмещением в 130 тысяч тонн. Я спросил его, так ли это.

— Вы правы,— улыбнулся он.— Я действительно пытаюсь представить, как будет выглядеть «Борис Бутома» в день вывода из дока. Он здесь едва уместится, ведь длина судна — двести пятьдесят восемь, а ширина — сорок метров. Высота борта — двадцать один, а осадка — пятнадцать метров. Впечатляющие цифры, правда?.. Но главное не это. Главное то, что нефтерудовоз будет одним из самых экономичных судов страны. В чем недостаток, скажем, того же «Иона Солтыса»? Проектировал его, кстати, тоже я. Отвез он, например, из Ильичевска руду в Японию. А обратно? Порожняком. Обходится такой переход недешево. А нефтерудовоз может доставить в ту же Японию нефть, потом зайти в Австралию, загрузиться рудой и доставить ее в один из портов Европы. Или другой вариант: в США везем нефть, а оттуда — зерно.

Судно имеет девять совершенно гладких трюмов, оборудованных моечными машинами. После разгрузки сыпучих грузов нефть можно заливать сразу, а вот после нефти их надо отмывать трое суток. Но это недолго, танкеры чистят свои трюмы не быстрее. Короче говоря, суда такого типа очень и очень экономичны. И потому я смотрю в более отдаленное будущее: мечтаю спроектировать нефтерудовоз в триста, а то и четыреста тысяч тонн. Заводу это по плечу!

За разговором мы поднялись из дока и оказались рядом с красавцем рудовозом, готовым к выходу на чистую воду. И хотя директор сказал, что для завода это вчерашний день, ему еще строить и строить такие суда.

С берегом судно связывали носовые да кормовые концы. Взволнованный Чантурия говорил по рации с капитаном боцманской команды, находящейся на борту «Иона Солтыса».

— Что-нибудь случилось? — спросил я.

— Пока ничего... Но может... Ветер посвежел. Видите, волна, да еще бортовая. Худо это! Парусность судна огромная, как бы не снесло куда не надо.

Нодари Викторович взял микрофон, и в динамиках зазвучал его гортанный голос:

— Внимание, на рудовозе! На буксирах! В доке! Всем быть готовыми к выводу «Иона Солтыса»!

Все службы доложили о готовности. Вот почетная мать рудовоза, электросварщица Татьяна Горб, разбила о борт сразу пять бутылок шампанского! Оркестр грянул «Врагу не сдается наш гордый «Варяг», зашипели ракеты, бултыхнулись в воду канаты, связывавшие рудовоз с берегом. Струной натянулся трос мощного буксира «Докер», вспенилась вода под винтами, и «Ион Солтыс» плавно двинулся вперед.

Нодари Викторович, застыв у самой воды, следил за носом судна. Его явно сносило в сторону торчащих со дна железных шпунтов. «Докер» старался изо всех сил. С кормы, отрабатывая винтами «полный назад», упирался буксир «Океан». Сбоку подскочил «Витязь», боднул рудовоз в борт и тоже что есть силы замолотил винтами. Букашки-буксиры так неистово копошились около гиганта-рудовоза, что он наконец подчинился им и вышел на простор.

Счастливого тебе плавания, «Ион Солтыс», попутного тебе ветра и семь футов под килем! Быть тебе славным морским работягой. Недаром в тебя вложено столько сил и таланта знаменитых николаевских корабелов, недаром на твоем борту сияет имя мужественного молдавского комсомольца Иона Солтыса, повторившего подвиг Александра Матросова.

Один из старейших судостроителей «Океана», В. Ф. Сичкарюк.

Первая секция нефтерудовоза «Борис Бутома».

Главный конструктор А. Ф. Цыбенко (в центре) со своими сотрудниками И. Н. Чучко и А. И. Дедиковым.

Бригада судосборщиков А. В. Быковца.

На «Океане» строят и траулеры. Один из них, «Александр Торцев», уходит в свой первый рейс.

ЕГО КНИГИ ЖИВУТ

Известному советскому прозаику, выходцу из донской литературной школы Георгию Филипповичу Шолохову-Синявскому в эти дни исполнилось бы 75 лет. Он родился в станице Синявской, раскинувшейся в степи между Ростовом и Азовским морем.

Нужда рано погнала батрацкого сына на заработки. Подростком пришел он на железную дорогу. Ремонтный рабочий, табельщик, телеграфист — таковы первые трудовые рубежи будущего писателя. Пытливый юноша зорко приглядывается ко всему, что окружает его. Беспокойное, тревожное время, и вот уже на донской земле бушует пламя гражданской войны. Социальные потрясения, ставшие жизненными «университетами» молодого железнодорожника, потом послужат ему той правдой, что щедро наполнит талантливые книги писателя. Таковы произведения Г. Ф. Шолохова-Синявского — романы «Суровая путина», «Далекие огни», «Беспокойный возраст», «Горький мед».

Участник Великой Отечественной войны, добровольно вступивший в ряды Красной Армии, сначала политрук госпиталя, а затем корреспондент армейской газеты «К победе», офицер Шолохов-Синявский на собственном опыте познал великий смысл жесточайшей битвы против фашизма.

После войны по горячим следам событий писатель создал роман «Волгины», ставший этапным произведением во всем его творчестве.

Органичная черта Г. Ф. Шолохова-Синявского и его книг — высокий гуманизм, столь свойственный нашей литературе. В этом смысле характерны дневниковые записи писателя, сделанные еще в дни Сталинградской битвы, только недавно опубликованные в журнале «Дон».

Одна из последних работ Г. Ф. Шолохова-Синявского — трилогия «Горький мед». Первая часть трилогии — повесть «Отец» — в известной мере автобиографична.

Георгий Филиппович Шолохов-Синявский скончался в мае 1967 года за рабочим столом. Писатель оставил немалое литературное наследство. Кроме названных произведений, его перу принадлежат повести «Семья Кудимовых», «У кургана», «Казачья бурса», «Домик у речки», многочисленные рассказы и очерки.

Он был делегатом первого Всесоюзного съезда советских писателей. С августа 1934 года он член СП СССР. В годы войны писатель был удостоен боевых наград. За успехи в развитии советской литературы был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Александр Фадеев, будучи всегда творчески связанным с донской литературной организацией, писал Шолохову-Синявскому в ноябре 1939 года: «Первые Ваши вещи, с которыми Вы вступили в литературу, я регулярно читал... Начинали Вы очень хорошо. От Ваших товарищей по Ростову я слышал и впоследствии немало хороших отзывов о Вашей литературной работе. Пришлите не только «Братья», а все, что вы сделали в последние годы...»

...Мне вспоминается ноябрь 1961 года. В дружеском кругу мы отмечали шестидесятилетие Георгия Филипповича. Когда огласили телеграмму из станицы Вешенской с теплыми, сердечными словами Михаила Александровича Шолохова, Георгий Филиппович был глубоко взволнован.

— Как же взыскательно надо писать каждому из нас,— сказал он,— чтобы не краснеть перед учителем. Мечтаю об этом...

Он писал взыскательно. И потому так долго живут его добрые и умные книги.

Михаил АНДРИАСОВ

Ростов-на-Дону.

ГОД РЕАЛЬ

Лев ФИЛАТОВ

Скорее всего футбольный сезон 1976 года будет признан не то чтобы неудачным, а нескладным, чем-то вроде досадного недоразумения, и его постараются побыстрее забыть. Что и говорить, перевыполнение плана по чемпионам и призерам (их нынче у нас вдвое больше, чем в обычном году) не способно перекрыть недостачу во многих других разделах футбольной «индустрии». И все-таки хотя по своим внешним приметам сезон и претендует именоваться исключением из правил, он несет на себе следы многих наших повторяющихся обольщений и заблуждений. Об этом и есть смысл поговорить в первую очередь. А еще — о тех здоровых силах и начинаниях, которые поощряют надежду.

Мне, как редактору еженедельника «Футбол — хоккей», то и дело приходится наталкиваться на вопрос: «Что у вас творится, то сплошной минор, то гром победы и опять грусть-тоска?» Я понимаю читателей футбольной прозы: ее тональность в последнее время менялась с быстротой и поразительностью иллюзионного представления.

Вспомним недавние события. Сезон 1974 года наша сборная закончила хуже, чем когда бы то ни было. Тогда с отчаяния и приняли решение передать все ее права и обязанности чемпиону страны — киевскому «Динамо». Этот клуб не первый год у нас лучший. И в тот момент он выглядел крепким, умелым и ровным. А с весны и по осень следующего года киевские динамовцы, как в своей динамовской форме, так и в алых футболках сборной, зарекомендовали себя командой победоносной (выиграны Кубок кубков, Суперкубок, отборочный турнир чемпионата Европы и чемпионат страны), играющей легко, быстро, красиво, как давно уже не играли наши команды. Правда, инерция нескольких лет футбольного скепсиса заставила и тут некоторых наших авторитетов морщиться и пренебрежительно махать рукой. Была и другая, крайняя точка зрения, бездумно восторженная, согласно которой наш футбол за всю историю только и имел один хороший сезон — 1975 года — и одну классную команду — киевское «Динамо». Видимо, и то и другое — «нормальные» перехлесты. Истина же, как обычно, лежала посередине.

А в этом году пошли чудеса. Руководители киевского «Динамо» (она же сборная), как в сказке о золотой рыбке, потребовали: «Не хотим быть рядовыми участниками чемпионата страны, хотим до Олимпиады жить сами по себе, тренироваться и путешествовать, как нам угодно, а сыграем у себя дома только осенью, а для этого извольте устроить отдельный чемпионат». Все это не было ни на что похоже. Но под впечатлением прекрасного семьдесят пятого года ждали, что и в семьдесят шестом непременно будут успехи, будут золотые олимпийские медали.

Ничего путного из этой самовольной затеи не вышло. Может быть, бронзовые медали и не сказочное разбитое корыто, но намек тут того же содержания. А уж то, что чемпионат страны, оказавшись разбитым на два, весенний и осенний, принес много огорчений — падение зрительского интереса и осторожную, расчетливую, скучноватую игру большинства клубов,— то это уже не намек и не аллегория.

Смысл крутого перепада между соседними сезонами, благополучным и незадавшимся, наверное, со временем будет уяснен во всех подробностях. И это следует сделать во всеоружии специальных футбольных познаний. Я же намерен высказать лишь некоторые соображения, наперед зная, что они не исчерпают уроков этого поучительного перепада.

Четверть века существует у нас первая сборная. За это время в ней сменилось больше десятка тренеров, она участвовала в пяти чемпионатах мира и пяти чемпионатах Европы, в Олимпийских играх, имеет за плечами свыше двухсот матчей, и, однако, то и дело возникает ощущение, что она создана вчера и никто не ведает, что с ней делать. Перед каждым тренером накануне каждого большого турнира заново встает вопрос: «Как готовиться?» И почти всегда избирается план, который наезжает на распорядок клубных команд, на чемпионат страны и наносит им ущерб. Это потому, что на сборную смотрят так же, как на клубную команду, хотят, чтобы она как можно больше времени существовала самостоятельно, специально (подразумевается — углубленно) тренировалась и набиралась опыта по особому плану. А потом, особенно если она выступила неважно, заводится разговор о напрасных жертвах, принесенных клубными командами, о вредности отрыва сборной от родного чемпионата страны, который и есть оплот нашего футбола. Так было уже много раз.

Нигде в мире не зафиксированы столь длительная подготовка, столь частые разъезды и количество контрольных матчей сборной, как у нас. В результате многолетних наблюдений как за нашей сборной, так и за сборными Англии, ФРГ, Голландии, Польши, Чехословакии, Югославии я, не будучи специалистом в методике, пришел к выводу, что успех любой сборной обеспечивается подбором хороших игроков и ясными тактическими целями, которые выдвигает перед ними тренер. И не из сорока кандидатов должен выбирать тренер (это вернейший способ запутаться), а из 16—18, большинство из которых в сборной давно. Кстати, у нас таких игроков достаточно. Им нет надобности бесконечно «сыгрываться», «приобретать опыт», «испытывать молодых», «наигрывать варианты» и так далее. Умело отобранные, квалифицированные мастера, боевитость характера которых проверена, для кого сборная не пустой звук, не повод для развлекательных турне, быстро найдут «свою игру». Скажу больше: внимательно следя за чемпионами мира, сборными Бразилии (дважды), Англии и ФРГ, я всякий раз видел, как они, уже выступая, вносили изменения в состав и в игру и окончательно становились теми чемпионами, которыми восхищался футбольный мир, в последних, решающих матчах. Думаю, что у сборных, составленных из испытанных мастеров, существуют свои собственные, иные, чем у клубных команд, закономерности поиска игры и способы подготовки.

Я говорю об этом по той причине, что одним из «узких мест» нашей футбольной жизни остается несогласованность интересов чемпионата страны с планами сборной. Обычно ради нее чем-то поступаются, не извлекая из этого выгод. Случившееся в нынешнем году — явление того же происхождения, но только уж очень крупного масштаба. Мне кажется, что всесоюзному тренерскому совету, куда входят умудренные люди, на глазах которых наша сборная использовала за четверть века не один вариант образа жизни, имело бы смысл систематизировать этот опыт и решительно забраковать хотя бы наиболее бесцельные и опасные варианты. И, может быть, тогда тренерский совет пришел бы к выводу, что сборной нет нужды в долгой подготовке.

Возникает вопрос, от которого невозможно уклониться, когда размышляешь о минувшем сезоне. Трудный вопрос. Звучит он примерно так: Олега Базилевича и Виктора Лобановского, тренеров киевского «Динамо» и сборной, которых в 1975 году именовали и новаторами, и талантами, и яркими представителями новой волны, а в 1976 году, после Олимпиады, не упоминают и словно бы забыли. Почему?

И здесь есть крайние точки зрения. Но хочется быть справедливым. Мне кажется, что эти молодые, образованные, самостоятельно мыслящие тренеры во главу угла своей деятельности поставили особый метод тренировочных занятий и поверили в него как в универсальное, патентованное средство. Применив его необычайно удачно в сезоне 1975 года, они окончательно убедились, что в их руках эликсир побед на все времена, что с его помощью они сумеют безошибочно готовить команду к тому дню, когда она обязана будет удивлять и выигрывать. Недавно, уже после горьких дней олимпийского турнира, В. Лобановский говорил мне: «Больше всего боюсь, как бы не погибла наша система тренировки и стимулирования».

Оперевшись на два эти принципа, посчитав их достаточными для полного успеха команды, тренеры самонадеянно сочли возможным пренебречь остальным футболом, чемпионатом страны, чисто человеческими контактами с футболистами, деловыми связями с прессой и многими другими вещами, которые в большей или меньшей степени реально влияют на футбольное дело. И за свою самонадеянность они были наказаны. Команда, занявшаяся зарубежным туризмом, растеряла свою прошлогоднюю готовность, один за другим проиграла все турниры, в которых участвовала, в том числе чемпионат Европы, Олимпийские игры, Кубок СССР, не осталось у нее сил и на короткий осенний чемпионат. Система тренировки не стала палочкой-выручалочкой.

Урок суровый. Хочется верить, что он не пройдет даром, что от этой истории не отмахнутся, как от дурного сна, над ней поразмыслят, в том числе и над тем, почему она оказалась возможной, как было позволено молодым тренерам упорствовать в своих заблуждениях, многие из которых были явными. Хочется мне верить и в то, что линию своего тренерского дела, так ломано начавшуюся, эти способные люди сумеют выправить и, как говорится, еще поработают во славу футбола.

Но при всей своей остроте «дело об олимпийской сборной 1976 года» будет скоро прекращено, ибо нет сомнений, что киевское «Динамо», остающееся и после всех передряг наиболее сильной командой (это мы увидели в осеннем розыгрыше Кубка европейских чемпионов и во фрагментах некоторых матчей чемпионата страны), приведет в скором будущем новые аргументы в свою пользу.

Есть у нашего футбола «узкие места» потруднее. Мне кажется, что непомерно пышным цветом распустилась у нас так называемая стратегия «своего и чужого поля». Это как-то особенно бросилось в глаза, когда в октябре из-за ранних морозов московские стадионы пустовали. Но и при безлюдье, почти как на нейтральном поле, все приезжие команды тем не менее считали себя обязанными лишь отбиваться, мечтая об оч-

НОГО ФУТБОЛА

ке едином. Любопытно, что пять дней спустя все московские команды играли на выезде, и там весь этот спектакль повторился, только с переменой ролей. После этих двух туров очки между их участниками распределились поровну, и равновесие в таблице не было нарушено. И нет ничего удивительного, что в ходе осеннего чемпионата большинство команд смотрело не вперед, а назад, им было не до призовых мест, лишь бы не оказаться на двух роковых, последних.

Конечно, верно, что сейчас берет верх тенденция к уравниванию сил. И не мудрено, ведь футбольная «наука побеждать» становится общим достоянием, а условия существования команд примерно одинаковы. Но вслед за выравниванием как логичное его продолжение должно бы следовать стремление вырваться вперед. У нас же более десяти лет единолично царит киевское «Динамо», а остальные команды («Спартак», ЦСКА, «Заря», «Арарат», «Динамо» (Тбилиси), «Торпедо») оказываются способными лишь на коротенькие рывки, после чего покорно возвращаются в общую группу, где все равны.

В нынешнем сезоне одной из самых популярных московских команд — «Торпедо» удалось вырваться вперед, и мы стали свидетелями третьей за всю футбольную историю победы автозаводцев на чемпионате страны. Это тем более приятно, что перед нами одна из самых молодых команд высшей лиги: средний возраст торпедовцев — двадцать три года.

В этом году предприняло попытку стать одним из лидеров московское «Динамо». Был выигран весенний чемпионат. Но успех развит не был. Последовала неудача в Кубке УЕФА, где динамовцы в первой же встрече уступили далеко не выдающейся греческой команде АЕК, слабее, чем ожидалось, выступили они и в осеннем чемпионате. В команде собрано немало хороших игроков, но должным образом налажена игра только в обороне, атака же впечатления не производит, чувствуются разрозненность и разноплановость игроков. К тому же — и это возможно, самое главное — не ощущается того, что должно быть в облике каждой классной команды,— стремления выигрывать. Было время, когда московское «Динамо» этим и отличалось от других команд. Как вернуть утерянное честолюбие?

Интересен подбор игроков и в ЦСКА. По всем объективным данным, команда способна к маневренному тотальному футболу и в удачные свои часы эту способность подтверждает. Но может и играть спустя рукава. И тогда невольно вспоминаешь армейскую команду прежних лет, которая ни малейшей слабинки себе не позволяла и в любом матче рвалась к победе. Так что и перед ЦСКА и перед «Динамо» стоят задачи из области воспитания...

Первая чемпионская минута! Вечером шестого ноября торпедовцы, закончив с победой свою встречу с тбилисскими динамовцами, обеспечили себе первое место. Спустя одиннадцать лет автозаводцы снова стали чемпионами страны.

Фото А. Бочинина

Стратегия «своего и чужого поля» как раз и знаменует собой стремление к безмятежному существованию, чтобы все было «как у людей», иными словами, это не что иное, как своеобразная обывательщина на футбольный манер. В этом и опасность. Нашему же футболу более всего нужны сейчас команды не средненькие, а дерзающие, которые вознамерились бы составить компанию и конкуренцию киевскому «Динамо».

Как мне помнится, впервые термин «договорная ничья» появился в «Правде». И другие органы печати дали понять, что больше нет секрета в истинном значении иных ничейных результатов. Однако предостережение не было услышано футбольными тренерами. Если сравнительно недавно о большинстве ничьих с особенно выразительным счетом — 2:2 или 3:3 — непременно отзывались как о «боевых», то теперь к ним стали относиться с подозрением. И не без оснований.

В Ленинграде играют «Зенит» и ЦСКА. Армейцы только что победили в двух матчах с крупным счетом, и телевизионные зрители с симпатией следят за их атаками. Копейкин забивает гол, и счет 3:1. Не правда ли, отлично! Но почему ни один из партнеров его не поздравил? Странно! А дальше принялся атаковать «Зенит», и ему были предоставлены гостями все удобства. Счет уже 3:3. По всем законам футбольного соперничества команда, счастливо сквитавшая два гола и захватившая инициативу, должна стремиться одолеть деморализованного соперника. Но нет, хотя до конца немало времени, больше ни одной атаки ни та, ни другая команда себе не позволила. Кстати говоря, после этой ничьей ЦСКА перестал побеждать и забивать, потерял счастливо найденную ниточку атакующей игры. Убежден, что команда была выбита из седла этим спектаклем.

Во Львове играют «Карпаты» и киевское «Динамо». Я видел по телевидению лишь эпизоды, но более чем выразительные. Счет 2:1 в пользу «Карпат», рвущихся к небывалому для них и потому особенно заманчивому призовому месту. Шутка сказать, возможна такая победа! Однако счет этот, как видно, не был предусмотрен, и защитники «Карпат» сопровождают киевского бомбардира Блохина к своим воротам и не препятствуют ему послать мяч в сетку. Потом судья назначает пенальти в ворота «Карпат», и заслуженный мастер спорта Буряк не промахивается, нет, он бьет пенальти невиданным образом — свечой, вверх, без малейшей вероятности угодить в ворота. Как видим, долг платежом красен. Полюбовное 2:2.

В обоих случаях голов много, но вопросов еще больше. Ну хотя бы такие: неужели тренеры и футболисты рассчитывают, что при подобной «игре» зрители повалят на стадионы? Неужели тренеры всерьез считают, что такая «игра» позволит им создать сильные, волевые, классные команды?

На это уклонение от игры, от исполнения прямых обязанностей, от долга перед бессчетной аудиторией нельзя смотреть сквозь пальцы, как на невиданный «розыгрыш». Эти шутки опасны, они подрывают самую основу футбола как игры и как зрелища.

Страсть к реформам постоянно будоражит наш футбольный быт. Не успел еще закончиться сезон, как стали поговаривать о том, что на будущий год надо бы иметь в высшей лиге 18 команд, что несправедливо после неполноценного чемпионата каким-то клубам «вылетать». Не знаю, есть ли основания для таких пересудов на этот раз, но опыт у нас по части перемен большой и печальный. Этот опыт и заставляет сказать о том, что коль скоро условия чемпионата были объявлены давно и все их изучили и могли к ним примениться, то нет и никаких оснований от них отступать. А с другой стороны, нынешняя таблица вовсе не выглядит кривым зеркалом, и вверху те команды, которые играют получше, и внизу те, которые похуже. Да и первая наша лига — никакая не глухомань, а интересный турнир, находящийся под наблюдением миллионов зрителей.

Пообещал я сказать и о том, что поощряет наши надежды. Обычно принято надежды выражать в общей форме, исходя из убеждения, что футбол могуч и, несмотря ни на что, выдюжит. Это, конечно, самообольщение: футболу, как и любому интересному делу, необходимы гарантии, им надо предметно заниматься. Именно о таких вещах и речь.

В последние год-полтора у нас открылось 56 специализированных футбольных школ, в которых учатся 20 тысяч ребят. Разных школ было много и прежде, но все они были маломощными, эффекта не давали. Новые школы получили многое, в том числе и лучших тренеров. Правда, не всюду есть хорошие учебные базы, не всюду должным образом налажена учеба.

Работает в Москве высшая двухгодичная тренерская школа, где обучают больше тридцати мастеров, только что закончивших игровую практику. Их старательно отбирали на предмет годности к тренерской профессии. (Кажется, начинает преодолеваться еще одно застарелое самообольщение, состоящее в том, что тренером способен стать любой, кто хорошо играл.)

В высшей степени приятно, что в этом сезоне и наша юношеская и наша молодежная сборные стали чемпионами Европы. Приятно и то, что без труда и без натяжки можно перечислить немало новичков высшей лиги, которые привлекли к себе внимание. Не откажу себе и, надеюсь, читателю в этом удовольствии перечислить хотя бы нескольких дебютантов: Крамаренко, Паров, Бондарев, Тарханов, Колповский, Бережной, Малько, Копалейшвили, Дараселия, Чивадзе, Челабадзе, Пригода, Парсаданян, Шавейко, Василевский... Набирается целая команда!

В минувшем году, прошедшем под знаком приятнейших успехов киевского «Динамо», мы как-то отвлеклись от нашей футбольной повседневности. Сейчас, когда эти успехи не повторились, виднее стали многие несовершенства, четче обозначились задачи. Одним словом, год этот я бы назвал годом реального футбола.

В ПОСТОЯННОЙ ГОТОВНОСТИ

КО ДНЮ РАКЕТНЫХ ВОЙСК И АРТИЛЛЕРИИ

Полковник А. КУЛАКОВ

Фото К. КУЛИЧЕНКО

Кто из советских людей не видел, хотя бы в кино или по телевизору, боевой ракетной техники, и чье сердце оставалось равнодушным к этой внушительной демонстрации боевой мощи наших Вооруженных Сил!

На полях сражений Великой Отечественной войны зарождалась боевая слава гвардейских реактивных минометов. Фронтовики ласково называли их «катюшами». 16-зарядная пусковая установка БМ-13 прошла испытания на полигоне в 1939 году. За день до нападения фашистской Германии на нашу страну, 21 июня 1941 года, было принято решение о серийном ее производстве. Впервые «катюши» были применены против гитлеровцев 14 июля 1941 года. Объектом огневого налета стали эшелоны с живой силой и боевой техникой врага на станции Орша. Это был внезапный и ошеломляющий удар. Оставшиеся в живых фашисты в панике бежали в окрестные леса, разнося весть о фантастически грозном советском оружии.

К концу войны боевые действия с врагом вели уже свыше 500 дивизионов гвардейских минометов.

В послевоенные годы в ответ на происки империалистов Коммунистическая партия направила усилия ученых, конструкторов, инженеров, техников и рабочих на создание ракетно-ядерного оружия.

Впервые подразделения и части, оснащенные мощными ракетами, прошли по брусчатке Красной площади на традиционном военном параде 7 ноября 1957 года. В январе 1960 года на четвертой сессии Верховного Совета СССР было объявлено о создании Ракетных войск стратегического назначения. Это явилось принципиально новым шагом в строительстве и укреплении боевой мощи Советских Вооруженных Сил. Ракетами различного назначения оснащены ныне Сухопутные войска, войска ПВО страны, Военно-Воздушные Силы и Военно-Морской Флот.

Многие ракетные части ведут свою родословную от прославленных в боях за Родину полков, их знамена украшают ордена Ленина, Красного Знамени, Кутузова, Суворова. Традиции этих частей живут, приумножаются. В ходе учебы рождаются и новые традиции: выполнять учебно-боевые пуски ракет и нести боевое дежурство только на «отлично»!

В этом году, ратным трудом своим претворяя в жизнь исторические решения XXV съезда КПСС, многие ракетные части и подразделения добились в социалистическом соревновании новых успехов и завоевали звания отличных. Подлинный образец в боевой учебе показывают коммунисты и комсомольцы.

Ракетчики — люди высокого долга и мужества, щедрого сердца. Они живут по законам войскового товарищества и всегда готовы прийти на выручку сослуживцам, если даже их собственной жизни угрожает опасность.

...Это случилось в Н-ском подразделении. Выполнялись работы на боевой технике. И тут произошло непредвиденное — отказал один из агрегатов. Создалась острая аварийная ситуация. Первым это осознал лейтенант-инженер Владимир Басов: жизни его подчиненных и товарищей грозит опасность. И вот звучит команда Басова: «Всем — в укрытие!» А сам он бросился к агрегату. Офицер сделал все, что требовалось. Он спас жизнь многим людям.

Указом Президиума Верховного Совета СССР лейтенант-инженер Владимир Басов посмертно награжден орденом Красной Звезды.

В ракетных частях совершено немало мужественных поступков. Имена героев хорошо известны личному составу. На их подвигах молодые воины воспитываются в духе верности своему долгу.

...19 ноября небо Москвы, столиц союзных республик, городов-героев расцветили огни праздничного фейерверка в честь Дня ракетных войск и артиллерии. В этот день, как и обычно, стратегические ракетчики в своих бастионах — подземных шахтах будут нести службу боевого дежурства, которая в мирное время является выполнением боевой задачи особой важности. Они в ответе за мир и счастье советских людей, за охрану рубежей и государственных интересов нашей Родины, великих завоеваний социализма. Ракетчики всегда начеку, всегда в боевой готовности!

Ключ на старт.

На одном из боевых постов

Мастер боевой квалификации, командир группы коммунист гвардии майор Никитин на боевом дежурстве.

Старт.

Занятия с молодыми воинами проводит мастер коммунист гвардии капитан Щербаков.

Джеймс ОЛДРИДЖ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

ДЖУЛИ ОТРЕ

ГЛАВА 20

Но едва он заговорил, мне стало ясно: наконец-то он намерен действовать так, как мы ждали.

— Ваша милость! — нетерпеливо начал он, едва дождавшись последнего удара часов.

Только что отзвучало непременное «Встать, суд идет!», и сейчас все усаживались на свои места, но отец уже снова вскочил, словно ему не терпелось поскорей со всем этим покончить.

— Минутку, мистер Куэйл, минутку, — сказал судья Лейкер. — Я знаю, заседание открыто, но дайте мне хоть сесть как следует.

— Я полагал, что вы уже готовы, ваша милость, — сказал отец. Похоже, он был сегодня взвинчен не меньше судьи и против своего обыкновения сейчас даже не извинился. Этими отрывистыми словами он уже приковал к себе всеобщее внимание. И сейчас все взгляды были обращены на него.

Сам я так пристально следил за каждым его движением, что даже не вдруг заметил в зале нашу Бетт. Она была в голубом и сидела как раз позади моего отца. Было и еще чему удивиться: рядом с Бетт сидела Норма Толмедж в красном платье, красном берете, красных туфлях с перекрещенными на лодыжках ремешками, в шелковых чулках и с маленькой черной блестящей сумочкой. Поразительное это было зрелище — они две бок о бок, такие разные, но, взглянув на Джули, я и вовсе ахнул от изумления, ничего подобного я не ожидал.

На нем была белая рубашка с отложным воротником и хорошо сидящий синий костюм, который Норма купила ему в магазине Уилсона. Этот костюм и белый отложной воротник, выгодно освещенные соседней лампой, заставили забыть про его угловатость, худобу, бедность. Перед нами сидел утонченный, задумчивый интеллигентный юноша-европеец, которому явно свойственны лишь самые изысканные мысли, изящные жесты и недосягаемая гармоничная непорочность. Превращение разительное, полное поэзии. Конечно же, Джули надо было родиться на другом материке.

— Ваша милость,— требовательно воззвал к судье отец, постукивая пальцами по столу,— могу я говорить?

— Пожалуйста, мистер Куэйл. Бога ради, начинайте.

Отец заговорил быстро, напористо, в нем чувствовались не только досада, но и нетерпение.

— Защита не станет тратить время на обсуждение уже установленных фактов. В ночь на двенадцатое сентября в кухне собственного дома миссис Анджела Кристо получила ножевое ранение, от которого затем умерла. Кроме нее, в кухне в это время находился только ее сын Джулиан Кристо...

Судья Лейкер поднял голову, видно, не верил своим ушам. Защитник без борьбы признавал самый решающий, ведущий к роковому приговору довод обвинения.

— Защита,— продолжал отец, сжимая руки, словно откручивал неподдающуюся гайку,— допросит всего шестерых свидетелей, причем очень коротко. Мы вызовем мисс Милисент Майл, мистера Джо Хислопа, Уильяма Хики, доктора Филипа Хоумза, мисс Норму Толмедж и мисс Бетт Морни.

Страпп поднял брови. Я готов был провалиться сквозь землю. Каким образом отец собирался доказать невиновность Джули и выиграть дело с помощью такого набора свидетелей? Но отец не терял ни минуты. Он вызвал мисс Майл и тотчас обратился к ней да так холодно, так бесстрастно, что вся ее вера в радость не могла послужить ей укрытием.

— Мисс Майл,— сказал он.— Мне понятна ваша преданность Иисусу Христу, и мы знаем: господь наш высший судья. Но на этот раз я попрошу вас подумать о Джули Кристо, мальчике и юноше, которого вы знали с первых лет его жизни. Посмотрите на него не глазами Иисуса Христа, или мистера Страппа, или еще чьими-нибудь, а своими собственными. Выполните вы мою просьбу, мисс Майл? Или...— он умолк, развел руками,— или мы с вами затеем ожесточенный спор, прямо здесь, прилюдно, о том, какова природа Христа и его истинное милосердие? Спор, который выиграю я.

Мисс Майл судорожно глотнула и медленно кивнула.

— Я постараюсь, мистер Куэйл. Я постараюсь думать о Джули.

— В таком случае я задам вам простой вопрос, который требует очень простого ответа.

Мисс Майл обратила умоляющий взгляд на Джули, и все мы тоже посмотрели на него. Лицо у Джули было бесстрастное, и он очень походил на Байрона. Джули не собирался помогать мисс Майл, обмениваясь с ней взглядами. Он даже не посмотрел на нее.

— Видите вы этого мальчика, мисс Майл, которого здесь обвиняют в убийстве?

— Да, мистер Куэйл. Да...

— И вам по душе, что он здесь сидит, мисс Майл? Вы хотите, чтобы он остался на скамье подсудимых и его обвинили в убийстве?

Мисс Майл затрясла головой.

— Конечно, нет. Это не для Джули.

— Тогда позвольте задать вам вопрос, которого вам не задал вчера мистер Страпп. Если бы мистер Страпп спросил вас, следует ли повесить Джули за убийство матери, сказали бы вы «да», мисс Майл?

— Нет. Нет. Никогда бы я так не сказала, мистер Куэйл.

— Почему?

— Потому что... — Сквозь криво сидящие очки мисс Майл посмотрела в зал, словно надеялась, что мы ей поможем. Но неоткуда ей было ждать помощи.

— Хорошо, — сказал отец. — Позвольте задать вам другой вопрос, быть может, тогда вам будет легче объяснить, почему вы не хотите, чтобы Джули повесили. Любите вы этого мальчика, мисс Майл?

Мисс Майл съежилась на своем стуле.

— Я люблю только нашего спасителя Иисуса Христа, мистер Куэйл, — в испуге ответила она.

— Но разве вы не любите Джули как тетя, или мать, или друг? Скажите нам правду, мисс Майл. Неважно, что думают другие. Никто не собирается ставить это вам в вину.

Мисс Майл уже не искала помощи. Она совсем растерялась. Она просто кивала, будто ответить на это хоть единым словом было слишком опасно. Потом тревожно оглянулась, будто боялась чьих-то глаз.

— Итак, мисс Майл, — безжалостно, самым холодным своим тоном продолжал отец. — Вы уже немало наслушались здесь о безнравственном поведении Джули Кристо. Но можете вы сказать, что он хоть раз чем-нибудь вас обидел? Вас лично?

— Ох, нет. Он не такой.

— А вам приходилось видеть, чтобы он ссорился с матерью и грубил ей?

— Нет. Никогда.

— Значит, вы хотите сказать, что дома он не доставлял никаких серьезных неприятностей? Так ли я вас понял, мисс Майл?

— Джули никогда нам никому не доставлял неприятностей, мистер Куэйл. Он был со всеми хороший. Джули... — начала она еще, но опустила голову и конца никто не услышал.

— Значит, вы не хотите, чтобы его повесили за убийство? — Теперь я понимал: отец намеренно выставлял перед всеми потрясающую наивность мисс Майл; он вскинул голову и чуть ли не закричал на нее:— Так как же, мисс Майл?

— Джули, — опять начала она. — Джули... — Но продолжать не смогла: наша вечная певунья залилась слезами.

Обычно, когда во время допроса свидетель плакал, отец говорил с ним мягко, старался успокоить. Но сейчас он продолжал как ни в чем не бывало, словно эти страдания его нимало не трогали.

— Осушите слезы, мисс Майл, и отвечайте на вопросы. — С минуту он все же выждал, снисходя к ее слабости, потом спросил, верно ли, что миссис Кристо была всегда очень нежна с Джули.

— Да...

— Она любила его обнимать, прижимать к груди, верно?

— Да... — Мисс Майл все еще утирала слезы под очками.

— Но даже в детстве Джули всегда старался увернуться от этих объятий? Так ведь?

— Да...

— Особенно когда он стал уже взрослым юношей?

— Да. Это так.

— Но, случалось, она заставала его врасплох? Верно это, мисс Майл?

Мисс Майл, видно, совсем растерялась: уж очень быстро сыпались на нее вопросы, и отвечала она словно бы неохотно, оттого, что не поспевала за ними мыслью.

— Разве не так, мисс Майл? — требовательно повторил отец. — Случалось ей заставать его врасплох?

— Ох, да... Случалось.

— Еще два вопроса, и вы свободны. Насколько я понимаю, все пансионеры платили миссис Кристо в общей сложности два фунта пять шиллингов в неделю, и на эти деньги она содержала пятерых взрослых и своего сына. Все остальные деньги пансионеров шли на нужды вашей евангелической церкви. Это верно, мисс Майл?

— Да, верно.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 35—46.

ШЕННЫЙ

У меня появилось ощущение, словно своими вопросами отец что-то отбрасывает с дороги, задает их лишь затем, чтобы позднее воспользоваться ее ответами, и даже до слез ее довел тоже ради этого.

— И последний вопрос, мисс Майл. Кто-нибудь в вашем доме, включая и мать Джули, купил мальчику хоть раз книгу или сборник пьес, посылали его на уроки музыки, водили его в театр, давали ему возможность послушать радио, водили его на концерт, рассказывали ему сказки, поощряли

какие-либо его склонности, которые скрашивают жизнь всякого современного человека?

Мисс Майл старалась удержать слезы, и ей не сразу удалось ответить.

— Ответьте на вопрос, мисс Майл, — сказал отец. — Просто ответьте на вопрос.

— Нет... Ничего этого не было, мистер Куэйл. Мы...

— У вас в доме считалось, что все это грех, ведь так?

— Это все от лукавого...

— Однажды вы сожгли все книги, доставшиеся вам от отца, всю его библиотеку. Ведь так, мисс Майл?

— Это были грешные книги, мистер Куэйл. Они не угодны господу.

— Пожалуй, что так, — с грустью согласился отец и покачал головой. — Вы свободны, мисс Майл.

Последние слова он сказал скороговоркой, небрежно, и ни мисс Майл, ни мы, остальные, не поняли, что это конец, мы еще ждали каких-то главных вопросов. Но не успела она сойти со свидетельского места, а отец уже вызвал Джо Хислопа. Потом, словно спохватившись, прибавил:

— Разумеется, если обвинитель не желает подвергнуть мисс Майл перекрестному допросу.

Но Страпп только отмахнулся. Отец часто повторял: адвокату важно знать, когда задавать вопросы, а когда и помолчать, Страпп, видимо, решил, что сейчас ему выгодней помолчать.

— Джо Хислоп! — пренебрежительно сказал отец еще прежде, чем тот, небольшой, крепко сбитый, встал на место свидетеля (приносить присягу ему больше не требовалось). — Вы бывший боксер, жокей и человек пьющий, и в городе вы известны как спортсмен и игрок, верно?

— Это ваши слова, не мои.

— Это я вас спрашиваю, Джо Хислоп. Ну, а если бы в баре гостиницы «Белый лебедь» или во дворе этой гостиницы (как известно, субботними вечерами там часто происходят пьяные драки, а у нас в городе и вообще в Австралии этим почему-то принято восхищаться) вы бы увидели, что один дергает другого за волосы, вы сочли бы, что он в ярости и совершает насилие?

— Как сказать, — огрызнулся Джо. Джо всегда терпеть не мог моего отца-англичанина и теперь, когда тот допрашивал его в суде, готов был каждое его слово встречать в штыки.

— Что значит «как сказать»? — сердито бросил отец с другого конца этого своеобразного ринга. — Мы с вами живем в Австралии. Австралийцы — народ грубый, скорый на расправу, а не то что за волосы таскать, это всему свету известно. Так за что же он вам вцепился в волосы, Джо Хислоп? Отвечайте.

— А я почем знаю, за что? Просто взял да и набросился на меня.

— «А я почем знаю, за что?» — передразнил отец.— «Просто взял да и набросился». Это разве ответ? Разве вы заодно со многими нашими горожанами еще раньше сами не набросились на него?

— Не пойму, про что вы толкуете, — сказал Джо.

— Да ведь в угоду чудовищной тупости и жестокости самых недостойных жителей нашего города вы, Джо Хислоп, своим представлением во время праздничной процессии оскорбили и самого юношу и его близких. Разве не так?

— Да мы просто шутили! — крикнул Джо. — И нечего на меня напраслину возводить, не на таковского напали!

— Ах, вот оно что! Тогда извольте ответить вот на какой вопрос. Если б я опрокинул вам на голову кружку пива и обозвал вас пропойцей, вы бы сочли, что я просто шучу, да? Так, что ли?

Страпп уже во весь голос заявлял протест, а Джо беспомощно обернулся к судье и крикнул:

— Да что ж это он как со мной разговаривает?

В зале зашумели, задвигались, секретарь призывал к порядку, а меж тем судья оставался на удивление спокойным и только поглядел по очереди на отца, на Джо и на Страппа.

— Просто отвечайте на вопросы, мистер Хислоп, — сказал он, когда шум поутих. — А намеки можете оставлять без внимания.

— Ну, конечно, намеки оставляйте без внимания, — подхватил отец. — Но не думайте, что вам можно оставить без внимания мой вопрос. И я опять вас спрашиваю: разве вы в тот день не потешали весь город, нападая на веру и на близких Джули Кристо? Разве не вы первый на него набросились?

— Говорите, что хотите, а только пока он на меня не налетел, я его и пальцем не тронул, святая правда.

Жестом чисто адвокатского отчаяния отец воздел руки к небесам.

— Святая правда — это совсем не то, что извергается из ваших уст, — сказал он Хислопу.

В зале зашумели, затопали, послышались угрозы, оскорбительные выкрики в адрес отца, а он не спеша высморкался и сказал невозмутимо:

— Это все, Хислоп. Вы свободны...

— Неуважительно говорит! «Мистером» почему не называет? — раздались крики.

Наконец порядок был восстановлен, и судья Лейкер подался вперед и сказал отцу:

— Я отлично понимаю, мистер Куэйл, зачем вам понадобилось разжигать страсти, вызывать беспорядок и возмущение в зале суда. Но не перегибайте палку, не то, напутствуя присяжных, я вынужден буду объяснить им, зачем вы это делаете.

Словно в отместку, отец крикнул:

— Прошу свидетеля подойти еще раз!

Джо вернулся, но теперь в нем уже не ощущалось прежней дерзости, словно его вторично кинули в пасть льва, — а это, конечно же, несправедливо.

— Итак, сэр, — обратился к нему отец, весь красный от гнева, когда зал наконец удалось угомонить. На этот раз он говорил жестко уже оттого, что разозлился. — Если уж вы с гордостью называете себя австралийцем, слышали вы про человека по имени Иоганн Себастьян Бах?

— Нет, — вызывающе ответил Джо.

— А Густав Малер?

— И этого не слыхал.

— А Йозеф Гайдн?

— Нет!

— Больше вопросов не имею, — сказал отец и махнул Хислопу рукой, чтоб уходил.

Но Джо был не дурак. Он понял, что над ним посмеялись и, покидая место свидетеля, крикнул отцу:

— А вы слыхали про Тима Беннера и про Джека Шарки? А про Мигуэля Купера и про Тони Бенбери?

То были известные австралийские боксеры, борцы и футболисты, и в зале поднялся смех: всех потешало явное невежество этого англичанина, но отец только с презрением отмахнулся.

— Прошу вызвать Уильяма Хики, — сказал он.

Билли вырос над залом, высоченный, точно дерево, и пошел к месту свидетеля; он мигал и втягивал губы, словно на невидимой флейте подыгрывал своей мучительной растерянности и явному испугу. Он уже знал, как отец расправляется со свидетелями, и, сам джазист, представитель мира греха, ничего хорошего не ждал. Он дудел про себя — «пам, пам, пам». Я ощущал этот ритм по тому, как втягивались и надувались его щеки.

— Итак, — начал отец, впиваясь глазами в его очки, чтобы тот не мог отвести взгляд. — Вы ведь музыкант, Билли, верно?

Скажи отец: «Вы ведь сторож на складе лесоматериалов», — он был бы совершенно прав и наш Билли ответил бы утвердительно. Но сам-то Билли считал себя музыкантом,— ума не приложу, как отец до этого додумался, подошел к нему так умно и мягко.

— Верно, мистер Куэйл, — с облегчением ответил Билли. — Я музыкант.

— Я только хочу задать вам два-три вопроса насчет музыки, поскольку это касается нашего друга Джули.

Мы все посмотрели на Джули: глаза его были закрыты, и, я думаю, ему уже хотелось только одного — чтобы все это поскорей кончилось. Он явно устал.

— Сыпьте, — не без опаски произнес Билли.

— Как вы сказали?

Это был новый американизм, мы подхватили его из кинофильмов, а отец его еще не знал, так как приносить новомодные словечки домой нам не разрешалось. Всем остальным в зале суда словечко было знакомо, и всех снова позабавило невежество моего отца.

— Я говорю, действуйте, мистер Куэйл.

— А... Ну хорошо, Билли. Джули Кристо играл в вашем оркестре «Веселые парни», так?

— Да.

— Что вы думаете о его игре?

Билли медленно, выразительно покачал головой, плотно сжал губы

— Что вы хотите этим сказать?

— Словами этого не опишешь, мистер Куэйл.

— Попытайтесь. Это очень важно. Как бы вы определили его игру? Хорошо он играл? Или плохо?

— Он играл не так, как все мы, — ответил Билли.

— Понимаю. Но в чем была разница? Объясните, пожалуйста.

Билли смущенно поежился.

— Музыка, мистер Куэйл, всякая музыка, джаз или какая другая, состоит из разных сочетаний и рядов. Этих сочетаний и рядов миллионы, только их надо ухватить. И чем больше можешь ухватить, тем лучше играешь, понимаете?

— Да, понимаю. Но продолжайте.

— Это и есть музыка, понимаете, что я хочу сказать?

— Да. Но какое отношение это имеет к Джули?

— Джули мог сыграть миллион сочетаний, да еще варьировал их и умел их выворачивать и так и сяк. Бывало даже, мы все бросаем играть и только слушаем его. Сколько раз так бывало...

— Значит, вы хотите сказать, что Джули замечательный музыкант?

— А как же, мистер Куэйл! Лучше него я отродясь не слыхал.

— Вы имеете в виду исполнителей джазовой музыки?

— Нет. Не то. В джазе он был не так уж хорош, мистер Куэйл. Он часто брал совсем не те ноты. Ему это было неважно. А только я отродясь не слыхал, чтоб кто другой мог такое, как он. Он понимает все насквозь, вот что важно. Я вам говорил: музыка — она вся из сочетаний. А он вроде знает их все насквозь, вроде это у него само собой получается.

— Спасибо, Билли. У меня все, вы свободны, — сказал отец.

Я мог бы и не смотреть ни на судью Лейкера, который карандашом почесывал голову под париком, ни на Страппа, который пухлой рукой озадаченно утирал полное лицо, — я и так знал, что они думают. Разве этим можно хоть что-то доказать? Разве хоть что-то из того, что сделал пока отец, может как-то помочь Джули? С точки зрения юридической во всем этом не было никакого смысла, и Лейкер собрался было что-то черкнуть в своем блокноте, но тут же отложил карандаш, словно отказываясь от испытанного способа выносить свое суждение. Потом спросил Страппа, нет ли у него вопросов или замечаний.

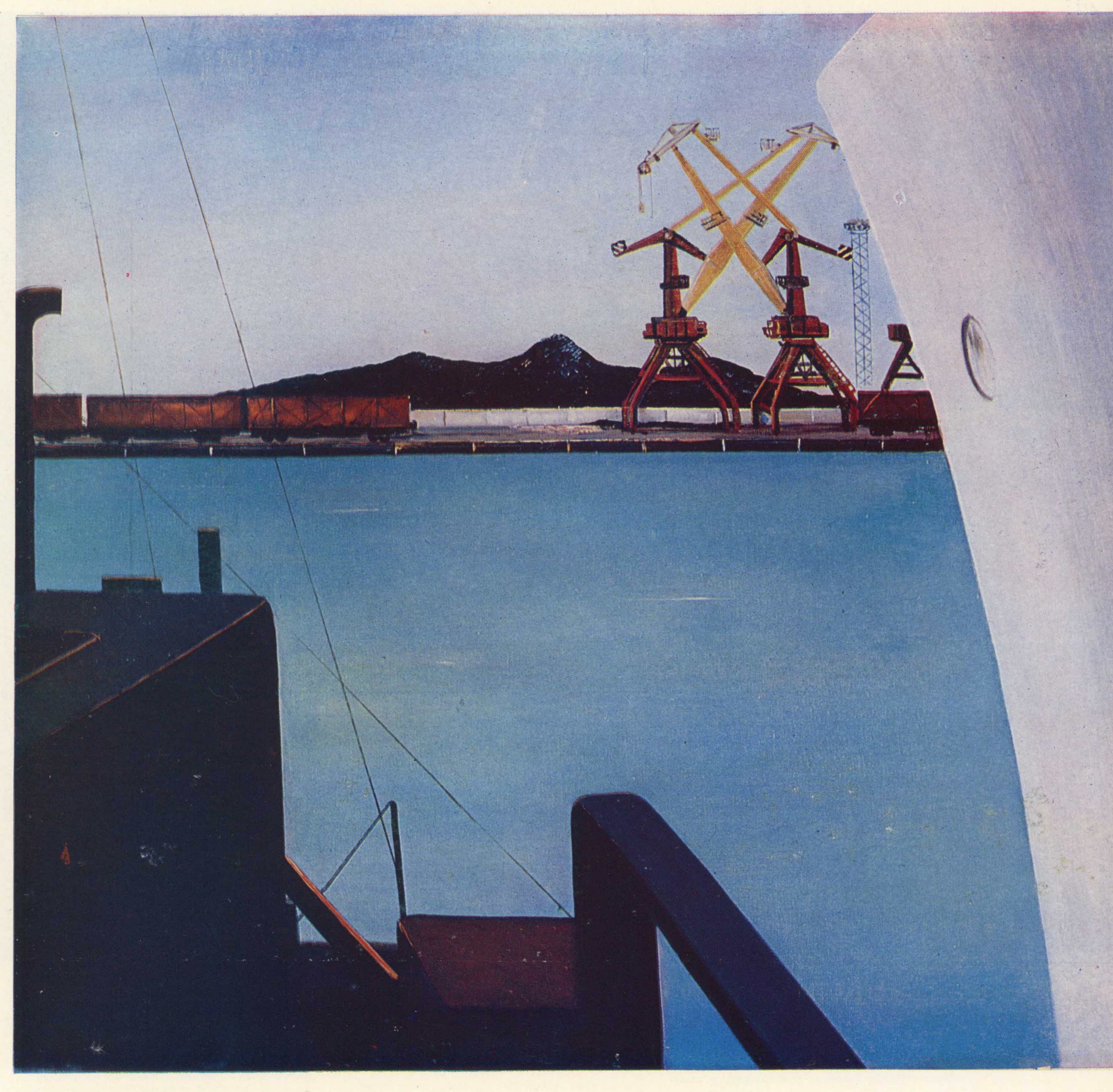
— Нет. Никаких вопросов, ваша милость, — ответил Страпп, — вот только мне хотелось бы понять защитника, что он хочет всем этим доказать, сам я никак не возьму в толк, к чему он клонит.

— Говоря по правде, я тоже, — сказал судья и сухо прибавил: — Но, надо думать, мистер Куэйл знает, чего он добивается, так что наберемся терпения, мистер Страпп.

Отец пропустил все это мимо ушей.

Перевела с английского
Р. ОБЛОНСКАЯ.

Продолжение следует.

А. Тольтс. Род. 1949 (Таллин). ГАВАНЬ. 1975.

Всесоюзная выставка произведений молодых художников «Молодость страны».

К. Муллашев. Род. 1944 (Алма-Ата). УТРО. 1976.

Всесоюзная выставка произведений молодых художников «Молодость страны».

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. А. ДУДИНА

ХРАНИ ТРАДИЦИИ ГАНГУТА!

Владислав ШОШИН

Это звучит как лозунг, как пароль, как клятва. Клятвой верности Родине, решимостью победить были когда-то эти слова для защитников полуострова Гангут в первое полугодие Великой Отечественной. Для бойцов — и для их поэта, который в этой формуле отчеканил свою юношескую порывистость и непримиримость. «Храни традиции Гангута!» — традиции мужества и героизма, стремления бороться за свободу до конца. Эти традиции живут и сейчас — живут в сердце поэта, а значит, и в его стихах. Михаил Дудин призывает своего современника:

Чтоб ты был смел, и храбр.
И телом крепок.
Со всеми прям и ненавидел ложь.
Чтоб ты своим характером на слепок
Моих друзей был чуточку похож.

... Дверь открылась, и в комнату стремительно вошел молодой человек. Я ждал этой встречи, но меня поразили стремительность и порывистость. С тех пор они мне кажутся обязательными чертами подлинного поэта. Они органично присущи человеческому и поэтическому облику Михаила Дудина. Он вечно в пути — не только в путешествиях, но и в духовном движении, творческой неуспокоенности. Порывистость — к заветной цели, стремительность — в движении к ней. Заветная цель у Дудина была всегда высокой.

Когда в окопах переднего края гангутцы встречали быстрого, подвижного Мишу, всем известного, любимого всеми, они знали: он спешит не зря, он торопится в редакцию фронтовой газеты. Назавтра весь Гангут читал его строки:

Он кинулся в бурлящие воронки,
Соленым ветром захлестнуло рот,
Два снайпера ударили вдогонку,
И нервной дрожью вспыхнул пулемет.

Это стихи о подвиге краснофлотца Гриденко, который под ураганным огнем врага доставил срочное донесение. Его командир, капитан Гранин, передал автору стихов благодарность. Не на бланке, конечно, и не на бумаге даже, но такая благодарность фронтового командира, не оседая в архиве, глубоко западает в сердце.

Когда по приказу командования гарнизон Гангута морем уходил в Кронштадт, Дудин был среди тех, кто, не думая о себе, спасал раненых в штормовом море, под огнем береговых батарей. Он выполнял свои обязанности поэта — сотрудника армейской печати, когда вместе с художником Борисом Пророковым готовил стенную газету на перегруженном тральщике. Но еще больше, думается мне, был он поэтом, когда переносил раненых на тральщик с тонущего турбоэлектрохода,— тем поэтом, который сказал: «Храни традиции Гангута!»,—нашедшим в себе высоту духа и зовущим следовать его примеру.

...И еще хочется сказать, вспоминая ту мою первую с ним встречу. Произошла она на квартире Николая Тихонова, и в этом тоже своя символичность. Николай Семенович в свое время заметил и оценил талант Дудина, опубликовал его фронтовой цикл в журнале «Звезда» и тем самым благословил на работу в большой литературе. Поэт Октябрьской революции как бы передавал эстафету одному из поэтов Великой Отечественной. В лозунге «Храни традиции Гангута!» слышался клич красногвардейских отрядов. Дудин, в свою очередь, передавал жар своего сердца идущим вослед.

Трещина мирового потрясения прошла и через это сердце. Война навсегда вошла в жизнь как непоправимая трагедия. Военные стихи Дудина полны жестокой правды: «Исходит кровью рваная заря. И от смертей тупеют писаря». Но военные стихи исполнены и неистребимого оптимизма, истоки которого — и в молодости поэта и в молодости его народа.

Пускай с меня за пятерых берется,—
Я все обязан на себя принять,
За всех друзей дожить и доборотъся,
Доделать, долюбить и дострадать.

Вот почему откровением была для меня итоговая книга Дудина военных лет «Переправа». Я убежден, что это был высочайший взлет молодого таланта. В «Переправе» нашла блестящее развитие традиция тихоновской романтики, слившаяся с неистребимым оптимизмом молодого гангутца.

Стихи Дудина захлестывали, увлекали зримостью образов, захватывающим потоком красочных ассоциаций, но прежде всего глубиной и значительностью переживаний.

После войны Дудин жил в так называемой башне во дворе старого дома — последний этаж под крышей, крутая, почти винтовая лестница.

Мой адрес, наверно, известен тебе:
Союза печатников, 8.
Зайди, потолкуем о нашей судьбе...

Заходили многие. На дверях дудинской квартиры, помню, поражали многочисленные стихотворные автографы известных поэтов. Писательский быт — тоже лицо писателя. Двери дудинской квартиры всегда были гостеприимно распахнуты. Помню, садился я у порога моей коммунальной на трамвай № 12 и ехал долгим путем «к Дудину», тихо радуясь, что снова увижу его, снова получу заряд бодрости на неделю, на месяц... Потом, на себе поняв сложность писательского труда, я ужаснулся своей бесцеремонности — являться без приглашения, когда мне, мальчишке, в голову взбредет. Никогда Михаил Александрович не сказал мне, что я явился некстати...

Эти встречи были для меня подлинными встречами с поэзией — спасибо тебе за них, Михаил Александрович!

Но были не только встречи и разговоры. Дудин отнес в издательство «Советский писатель» рукопись моей первой книги стихов, в Лениздат — рукопись моей книги об Александре Прокофьеве. Я не удивлялся: таким и должен был быть в моем представлении настоящий поэт. Потом я узнал: Дудин помог выпустить первую книгу Сергею Орлову, помогал Владимиру Жукову, Ивану Ганабину, Ювану Шесталову. Потом я узнал: не всем поэтам присуща готовность помогать друг другу; тем дороже воспоминания о тех уроках благожелательности, которые я — мы, многие! — получали.

Это тоже традиции Гангута. Поэт — солдат слова; надо помогать соседу в строю — товарищу, другу, побратиму. Помогать не только словом, как прежде всего свойственно поэту,— помогать делом, как подобает бойцу.

Эта же отзывчивость — и в дружбе с поэтами других народов. О ней говорят Мустай Карим, Кайсын Кулиев.

...За «Переправой» последовали десятки книг: «Семья» — осмысление ленинградской блокады, «В степях Салавата» — художественное открытие жизни братского башкирского народа, «Считайте меня коммунистом» — сборник боевой публицистики, «Сосны и ветер»—сложные раздумья гражданина и патриота, «Мосты» — дневник узнавания зарубежной Европы, «Упрямое пространство» — проникновение в мир национальных культурных традиций... Я называю сборники лишь одного десятилетия, а какое разнообразие содержания и художественных средств!

Но сквозь все книги проходит, звуча призывно, скорбная, торжественная и гордая струна: память войны, память блокады, память подвига Ленинграда и его защитников. Гангутский поэт становится старше, зрелее, мудрее, ретроспективная летопись войны становится все обширнее — поэмы «Вчера была война», «Семья», «Песня Вороньей горе», стихи, статьи, песни... Знаменательно, что поэт-солдат Михаил Дудин стал руководителем Комитета защиты мира в своем родном городе.

Молодость прошла по окопам переднего края. Добро и зло были взвешены на весах войны. Поэт верит, что человеку суждено свершить нечто необыкновенное в жизни, а жизнь его, его трудовой подвиг требуют стихов. Государственная премия РСФСР имени М. Горького за книгу стихов «Время» явилась выражением давно заслуженного признания. А за этой книгой вышли новые сборники: «Татарник», «Гости», «Поэмы», «Лирика»...

В стихах Михаила Дудина о Родине поэт открыт восторженности и удивленности. И они не иссякают, потому что перед глазами у Дудина его великий учитель — русская природа.

Ты увидишь мир, раскрытый настежь,
И ресницы вздрогнут и замрут,
Будто выпьешь радости и счастья
До краев наполненный сосуд.

Гангутцы защищали, отстаивали мир добра, радости, счастья. Гангутский поэт не устает воспевать этот мир. Если верно, что счастлив человек, приобретший хотя бы одного друга по выбору сердца, то читатель Дудина удачлив в дружбе. Он берет на вооружение добрые движения души, подлинную красоту и поэзию. И бывший связной полковой разведки становится разведчиком путей в будущее, связным между сердцами людей, поколений.

ТЕАТРАЛЬ

Вс. МАЛАШЕНКО

Рисунки А. ЛУРЬЕ.

Интриги

Предложение сниматься в кино для молодого актера Наумцова было неожиданным, однако настойчивым. Главное условие, о чем прежде всего предупредили на киностудии, — это разрешение театра на съемки, чтобы можно было выезжать на натуру, к морю, в лес и так далее.

Наумцов был в восторге. Сняться в кино — это слава и совсем другое отношение в театре, среди знакомых и родственников и, конечно, деньги. «Солнце повернулось в мою сторону», — говорил счастливый Наумцов.

В тот же день он пошел к главному режиссеру, да что пошел — побежал и, забыв поздороваться, сообщил эту потрясающую новость.

Главный режиссер выслушал взволнованного артиста с большим вниманием и сказал доверительно, как самому близкому другу:

— Поздравляю! Я за! Вообще чем больше будут мелькать актеры нашего театра на экране, тем лучше для театра. Реклама! Театру это выгодно. Я помогу всем, чем могу. Но, — тут режиссер сделал привычную гримасу неудовольствия, — я же один не решаю. Пойди к директору. Но ни в коем случае не говори, что я дал согласие. Ты же знаешь наши сложные взаимоотношения, — он снова скорчил недовольную мину, — скажи, что я против, а на самом деле я — за. Понял? Так надо. Для твоей же пользы. Скажи, главный, мол, против, ну не совсем против, а колеблется. Тогда он назло мне разрешит, а я не буду возражать. И все о'кэй, отправляйся на съемку. Рад за тебя!

И они расстались. Что между главным и директором конфликт, об этом знала вся труппа. В душе Наумцов был благодарен главному за откровенность и доверительность.

На другой день после репетиции Наумцов пошел к директору и, объяснив положение, попросил разрешения на киносъемки.

— А ты говорил с главным? — был первый вопрос директора.

— Да, — ответил Наумцов, — но без вас он этого вопроса решить не может. Вот если вы скажете «да», тогда все в порядке.

— Понятно. если я скажу «да»? Но ведь вопрос-то сугубо творческий. Я-то как раз согласен, даже очень, чтобы наши артисты снимались в кино. Это привлекает зрителей, поднимает интерес к театру. Но ведь ты репетируешь в новой пьесе. — Он взял со стола бумагу с распределением ролей. — Знаешь, придется зайти к режиссеру-постановщику, и уж коли он не возражает, берусь уговорить главного. Во всяком случае, я говорю тебе «да!». Кстати, главный в друзьях с очередным, его кадр. У меня с ним отношения не бог весть какие. Ну, действуй. — И директор крепко пожал руку Наумцову.

После репетиции в тот же день Наумцов поймал режиссера в коридоре и рассказал всю, теперь уже сложную ситуацию.

— Ну, а что главный? — был первый вопрос.

— Вообще он... — Наумцов не знал, как сказать, он не знал точно их взаимоотношений. А можно ли верить директору? — Главный поддерживает меня, у меня с ним вообще очень хорошие отношения, он любит меня как актера...

— А директор?

— Директор как главный. Это он просил поговорить с вами.

Очередной режиссер обнял актера за плечи и неторопливо повел в фойе, в самый темный угол.

— Пойми, я «за». Да ведь я же ученик главного, и он пригласил меня в театр. Я сам назначил тебя на роль, пусть во втором составе, и вдруг решаю отпустить на съемки. Пусть мне прикажут. Официально я возражаю, но по-человечески я согласен. Я даже помогу, чем могу, но я против.

Он снова обнял Наумцова, похлопал дружески по плечу. И ушел. На другое утро Наумцов снова пошел к главному режиссеру и снова просил его отпустить на съемки, и главный опять направил к директору, тот к очередному режиссеру, потом к управляющему труппой, и опять к директору, и опять к главному...

Фильм, где должен был сниматься Наумцов, вышел на экраны, а Наумцов все ходит от одного к другому, к третьему.

Но тоже не без пользы. Ведь если его еще раз пригласят сниматься в кино, к тому времени как раз он и добьется согласия на съемки.

Экзамен

Нервное возбуждение чувствовалось и в том, что все явились на вокзал заранее, и в том, как вошли в вагон, как рассаживались, боясь помять складки платьев, блузок, брюк, рюшей, бантов, как не торопясь говорили, больше разглядывая друг друга, пытаясь угадать счастливчиков. Надежда была у каждого. Ведь на дачу Мастер пригласил всех выпускников театрального училища. А вдруг?.. Мастер присутствовал на дипломных спектаклях, и после просмотра стало известно, что двухтрех он как главный режиссер возьмет в труппу театра. В театре все решает случай. Эту истину студенты знали с первого курса, об этом написано во всех воспоминаниях великих актеров.

Было жарко. Проехали примерно полпути в душном, битком набитом вагоне, потом в открытые окна подул ветерок и небо закрыла туча. Она росла, опускалась все ниже и неотступно сопровождала вагон. Вот наконец остановка. По дороге, не сговариваясь, все прибавили шагу. Прошли небольшой лесок и за полем увидели разноцветные крыши поселка. И вдруг дождь, да какой! Ни у кого ни зонтов, ни плащей, да к тому же ни единого деревца поблизости. Припустились бегом. Девчата сняли туфли и шлепали босиком, прически, блузки, складки — все, что с такой тщательностью шилось, гладилось, подгонялось, пошло насмарку. Вода затекала за воротники, в карманы, туфли... Все бежали не оглядываясь, как взапуски. Вот долгожданная ограда, мокрая дорожка и наконец терраса, спасительная крыша над головой. Мастер стоял на террасе в белоснежной модной рубашке, кланялся, приветствовал и внимательно разглядывал, кто как возвращает себе утраченную красоту.

— Вы, — неожиданно прервал он Лелечку Протасову, отжимавшую волосы, как мокрое полотенце, — что вы почувствовали, когда хлынул этакий дождище?

— Ой, — у Лелечки навернулись слезы, — такая мокрота, стало холодно, гадко, и вот, простите... Извините, пожалуйста. — И она достала гребенку.

Мастер круто отвернулся от нее и подошел к Кате Могоболовой.

— А вы? Какая первая мысль возникла у вас под дождем?

— Первое? Я подумала о маме, она старалась, гладила. Она ведь мне предлагала взять зонт...

По виду Мастера было ясно, что ответ не удовлетворил его.

— Ну, а каково ваше «дрожайшее» переживание мокроты и сырости?

Алешка Самохвалов, герой-любовник с великолепными внешними данными, голосом, был, пожалуй, самый первый кандидат в труппу.

— Когда дождь, — с улыбкой отвечал он,— хочется в тепло, затопить печурку, укрыться потеплее и поспать. А?

Алешка пытался угадать, понравился ли его ответ или нет. Но Мастер вздохнул и, казалось, потерял всякий интерес.

В этот момент вбежал Слава Топиков, мокрый, возбужденный. Как он отстал от всех, никто и не заметил. Прямо с порога он закричал: «Скорее, скорее!» Схватил за руку Мастера, потом стал подталкивать к выходу стоявших у окна ребят. «Смотрите! — широким жестом показал на небо. — Какая радуга, какое солнце, невероятное соцветие!» Он сбежал по ступенькам и остановился под дождем, весь сияющий, зовущий, рубаха прилипла к телу, волосы спутались, и с них текла вода. Мастер спустился к нему и, не обращая никакого внимания на дождь, тоже не сводил взгляда с деревьев, поля, освещенных таким необычным светом. Никто не двинулся за ними. Вскоре дождь кончился. Притихшие моло-

НЫЕ РАССКАЗЫ

дые артисты терпеливо ждали Мастера. Он вернулся веселый. Подошел к столу, налил рюмку водки и сказал, четко выговаривая каждую букву:

— Английский художник Тернер всю жизнь рисовал только туманы, промозглые, хмурые туманы. Он любил их. Настоящий артист должен любить и дождь и солнце. И холод, и жару, и грозу, и слякоть. Ведь все эти переживания вы будете нести со сцены, а значит, их надо любить.

Слава Топиков был принят в труппу первым.

Браво! Браво!

На роль Гаранина я был назначен через несколько дней после премьеры.

«Так, — подумал я, — значит, Веригин, заслуженный артист, не устраивает главного режиссера. Стало быть, надо себя проявить».

Репетиции шли нерегулярно, от случая к случаю, но я старался, много работал самостоятельно. И вот, наконец, показ в фойе. Режиссер похвалил, кое-что поправил. Репетицию на сцене назначил через два дня. И вот премьера. Первая премьера! Вдруг я вспомнил, что ни на афише, ни в программке нет моей фамилии. Пошел к управляющему труппой, так и так, мол, надо бы вписать в программку, в афишу, хотя бы в ту, что висит на фасаде театра. Управляющий сказал, что штампик с моей фамилией готов и билетеры отметят каждую программку. А перед театром на афише художник аккуратнейшим образом впишет крупными буквами мою фамилию.

На спектакль пришли родные, знакомые, конечно, товарищи по сцене. Я играл с подъемом и чувствовал, что кое в чем, в отдельных сценах переигрываю заслуженного. После первого акта режиссер зашел за кулисы, поздравил, сказал, что играть буду в очередь, что Веригину пора посмотреть на себя со стороны и так далее. Рабочие сцены, электрики прямо говорили, что даже сравнивать с заслуженным нельзя.

В финале, в очень эффектной мизансцене, я падал с лестницы, сраженный предательской пулей, под гром аплодисментов. Публика кричала: «Браво, браво!» — даже букетик цветов был брошен в мою сторону. И вдруг женский голос, перекрывая овацию, крикнул: «Браво, браво, Веригин!»

Аплодисменты стали еще громче и сильнее. Может, она не купила программку? Или не впечатали?

После спектакля ко мне за кулисы пришла девушка, как я понял, моя первая поклонница, и попросила подписать программку. Ниже фамилии «Гаранин», которого я играл, было напечатано «Татьяна, его жена» — вот тут-то и стояла отпечатанная жирным шрифтом моя фамилия.

Ошиблись билетеры.

В поисках решения

Ровно в десять ноль-ноль в репетиционный зал вошел режиссер и крикнул:

— Репетиция отменяется, все свободны, кроме Воротынского!

Воротынский репетировал главную роль, сложную, никак ему не дававшуюся. Вот уже на подходе прогоны, а роль ну никак не складывается. Мучился, страдал, недосыпал, недоедал, а режиссер был то злой, то ласковый, а в последние дни, видно, от отчаяния, скучный, растерянный.

— Вася, ко мне! — крикнул режиссер и побежал в свой кабинет. Воротынский нехотя поплелся за ним. «Что он там надумал? Может, решил снять с роли? Ну и черт с ним и с ролью»,— думал он, поднимаясь по лестнице на бельэтаж.

Режиссер оглядел Воротынского, попытался застегнуть ему рубашку на пуговицу — актеры не очень любят носить галстуки и крахмальные сорочки.

— Ты подтянись, возьми галстук или бабочку в костюмерной, поедем в Академию наук, в институт, на заседание Ученого совета.

Воротынский привычно посмотрел на него, как на сумасшедшего.

«Дошел», — подумал он, но знал, что спорить бесполезно, и промолчал.

— Там, возможно, мы кое-что почерпнем, у меня предчувствие, что там ключ к образу. Я вчера в одном доме познакомился случайно с директором института. Голова, ученый с мировым именем, но, по-моему, в жизни то, что нам надо. Завтра он ведет Ученый совет. Будут все мудрецы. Вопросы государственного значения. Я с трудом уговорил его разрешить поприсутствовать, с трудом. Сказал, что пьеса об ученых, о властителях умов. — Режиссер усмехнулся. — Подтянись, и поехали к одиннадцати ноль-ноль.

За несколько минут до начала Ученого совета режиссер и актер уже сидели на боковых стульях в большом академическом кабинете, уставленном книжными шкафами и массивной старомодной мебелью.

Начался совет. Ученый секретарь напомнил повестку дня. Директор очень спокойно, мягко, добросердечно попросил высказаться по первому вопросу. Сразу встал молодой бородатый человек и заявил о необходимости увеличения средств, что средства эти в институте имеются и необходимо передать их в его ведение, а также тему Старикова, всю группу и деньги вплоть до валюты.

Директор посмотрел на него мягким, добрым взглядом и сказал:

— Я читал ваши докладные, я не против, но...

И он указал на сидевшего напротив худого лысого человека.

Тот поднялся нехотя и заявил, что изымать группу Старикова нельзя, что она работает в его программе не первый год над важнейшей темой и было бы безумием передавать ее в некое весьма сомнительное предприятие.

Директор также по-доброму кивнул и согласился, прибавив несколько слов о важности этой темы и о необходимости ее сохранения.

Тогда вновь встал бородатый и уже с угрозой в голосе заговорил о заинтересованности промышленности в его изысканиях.

Теперь директор кивал головой в знак согласия с ним. На лице его отражались муки мученические.

Раздались голоса «за» и «против». Перекрывая шум, поднялся седой ученый со Звездой Героя Социалистического Труда и заявил, что он вынужден будет покинуть заседание совета. Директор посмотрел на него с ужасом.

У Воротынского, не отрывавшего взгляда от лица директора, вдруг мелькнула фраза: «И этот вот меня оставить хочет!»

Седой ученый продолжал:

— Мы начинали работу над этой темой втроем и должны работать втроем! Иначе я...

«Один был — я; другой — Захарьин-Юрьев; Мстиславский — третий...» — пришла на память еще одна фраза.

Директору, казалось, стало плохо, он достал незаметно таблетку, положил в рот и потянулся за стаканом.

— Решайте, наконец, вы же директор! Или нет? Директор вы или не директор?

«Я царь или не царь? Царь иль не царь?» — звучала реплика в голове Воротынского. Он не отрывал глаз от директора и страдал вместе с ним от беспомощности, от бесхарактерности, от желания всех помирить, вернуть согласие. «Я хотел всех согласить, все сгладить...» — Реплики одна за другой приходили подсознательно ему в голову.

Кто-то толкнул в бок Воротынского, он обернулся и увидел счастливое лицо режиссера.

А конфликт на Ученом совете продолжался.

— Понял? — шептал самозабвенно режиссер. — Ах, зря я отпустил актеров! Сейчас по горячим следам пройти бы второй акт.

И чем беспомощнее был директор, чем больше страданий отражалось на его лице, тем радостнее, оживленнее становился режиссер...

Теперь он нашел ключ к пониманию образа царя Федора, он знает, что должен сказать актеру. Да Воротынский и сам вдруг ощутил в себе ту же беспомощность, острое желание все сгладить, всех помирить. Да, да, мой Федор хочет, активно хочет помочь, но не может, не получается. Таков он, МОЙ Федор!

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И. А. ПЫРЬЕВА

ОГОНЬ НЕУГАСИМЫЙ

Ал. РОМАНОВ

Не могу забыть его глаз — серых, колючих, пронизывавших собеседника и словно бы дополнявших его обычно беглую, не всегда стройную, взволнованную, страстную речь.

У него был нелегкий характер, это знали все, кому с ним доводилось работать: он был раздражителен и вспыльчив, в особенности на трудных съемках. Но, кажется, никто и никогда не покинул его из-за таких несчастливых особенностей характера. Подкупало всех его неистребимое трудолюбие, сжигавший его неугасимый огонь творчества. Подкупали глаза — широко открытые, просящие, умоляющие и приказывающие одновременно.

Народный артист СССР Иван Александрович Пырьев был большим художником — советским художником. Начинал в театре, но нашел себя в кино. Его любовь к киноискусству была всепоглощающей, безграничной. В кратком выступлении на Первом учредительном съезде Союза кинематографистов он говорил о кино как о «самом народном, самом прекрасном из всех искусств». Оценивая произведения своих коллег, кинохудожников разных поколений, и свои собственные произведения, он неизменно ставил такой вопрос: «А чем оно (то или иное произведение. — **А. Р.**) помогает человеку жить, действовать, работать, чувствовать, мыслить по-коммунистически?» С особой силой прозвучал этот его вопрос в ноябре 1963 года с трибуны Центрального Дома кино при обсуждении итогов развития кинематографа предшествующих лет. Кажется, однако, что он, этот вопрос, звучит всякий раз и поныне, когда заходит речь о высокой идейности искусства и художественном мастерстве.

Он был блистательным комедиографом. Уже в первом своем фильме «Посторонняя женщина» — сатирическом и гротесковом — он продемонстрировал необычайную силу личной ненависти к затхлому быту мещанства, органически присущее его таланту неукротимое обличение тупого, грязного, калечащего жизни обывательского бессердечия.

Созданные им позднее уже в ином ключе

комедийные фильмы «Богатая невеста», «Трактористы», «Свинарка и пастух», «В шесть часов вечера после войны», «Сказание о земле Сибирской», «Кубанские казаки» по праву отнесены к лучшим комедийным лентам советского кинематографа.

В живой жизни, в событиях современности искал и находил он, художник-коммунист, темы для своих произведений — комедийных, драматических и трагических. Его волновали социально-экономические перемены в стране, современником которых он был, и связанные с ними классовые схватки, мировоззренческие проблемы, борьба добра и зла в сфере человеческого духа. Революционные устремления миллионов людей к всеобщему счастью, к лучшей жизни, к искоренению мерзости и грязи,— было и его личным устремлением. С особой силой это проявилось в знаменитых его фильмах «Партийный билет» и «Секретарь райкома». Но этому же, в сущности, были посвящены картины «Испытание верности» и «Свет далекой звезды». С этим устремлением были связаны, наконец, и его многолетние усилия, направленные к глубокому кинематографическому истолкованию Достоевского — его работа над фильмами «Идиот», «Белые ночи», «Братья Карамазовы».

Добрая застенчивая улыбка, вызванная искренним волнением, не сходила с его лица, когда он первым смотрел свои фильмы перед выпуском их на экран и всегда словно бы удивлялся увиденному. «Так, так»,— шептал он про себя, но так, что слышали все. И вдруг, уже совсем громко: «Нет, не так, не получилось...»

У Пырьева были большие творческие удачи, когда он будто вырастал на голову, становился выше собственного роста. Но случались и ранящие сердце творческие просчеты, явные художественные неудачи. И он тускнел лицом и словно бы сжимался.

Тем не менее и в часы счастливых взлетов и в тоскливые часы творческой несобранности он оставался самим собой, большим советским художником-гражданином. Сознание этого сохраняло ему силы, позволяло накопить энергию: свое постоянное стремление к лучшему подкрепить новым взлетом, новыми дерзкими творческими замыслами.

Ему, опытнейшему профессионалу-кинорежиссеру, были присущи завидные организаторские способности. С особой силой эти способности проявились в его плодотворной деятельности в качестве одного из руководителей Оргкомитета Союза кинематографистов СССР. Он относился к Союзу, как к любимому детищу, и свое участие в его создании расценивал как личное, святое дело. Он говорил: «Мне хочется, чтобы в нашем Союзе были принципиальность, объективность, дружба, забота друг о друге, любовь к нашему искусству и чтобы мы с вами нашими картинами давали нашему великому народу большую радость!»

Кажется, лучше ничего уже не скажешь о месте и роли творческого союза в успешном продвижении киноискусства к новым художественным высотам.

ПРИЗВАНИЕ

Телевидение показало новый трехсерийный художественный фильм «Эти непослушные сыновья» по одноименной повести Василия Чичкова. Известный писатель, выступающий ныне как автор сценария, ездил по стране, бывал на стройках Сибири, встречался с молодыми рабочими.

— Одна из таких встреч и послужила началом для замысла повести,— говорит В. Чичков.— Работа посвящена формированию характера нашего современника. Главный герой Андрей Ермаков — в этой роли зрители увидели артиста Б. Щербакова — отслужил в армии. Теперь он собрался поступать в институт, но затянувшаяся болезнь матери заставляет его изменить свои планы: он едет работать на стройку.

С этого первого самостоятельного шага Андрея, по сути дела, и начинается формирование характера взрослого человека. Мы видим, что для героя наступил тот час, когда надо всерьез определить себя самого, выбрать свою дорогу в жизни; Б. Щербаков сумел показать духовный рост Андрея, его возмужание.

Постепенно раскрываются в облике героя черты сильной личности, способной увлечь за собой других.

По настоянию начальника участка Гладкова — его играет сильно, ярко В. Самойлов — Андрей становится звеньевым, и ему действительно удается изменить в бригаде отношение к работе. При творческом подходе работа — радость, а не повседневная тягостная обязанность... Снова крепнет мечта Андрея о поступлении в институт. Только теперь он твердо знает, что профессия строителя — его призвание.

Фильм повествует не только о работе. Здесь еще и жизнь, человеческие отношения... Сложна и мучительна любовь Андрея к Лене (Е. Кондратова). Проходит много времени, прежде чем героиня начинает ценить Андрея, понимать, что он незаурядный, талантливый человек.

Их встреча в финале так и не состоялась, но, говоря словами песни, звучащей в фильме,— «...любовь лишь начала свое цветенье» (стихи Е. Долматовского, музыка М. Фрадкина).

Новая работа ТВ будоражит мысли зрителей, особенно молодых, заставляет их задуматься над собственной судьбой, подумать о своем месте в жизни. Образ Андрея — это образ нашего современника, активного строителя коммунистического общества. Он полюбился нам, этот неравнодушный, идущий к большой цели молодой рабочий.

А. ЗВЯГИНА

Е. Кондратова и Б. Щербаков в фильме «Эти непослушные сыновья».

что скажете, родители?..

ИГРА

Любовь ЮНИНА

Девочка Оля считала себя царицей. Не какой-нибудь Екатериной Второй, а простой безымянной царицей, которыми щедро насыщены сказки. И, конечно, у нее был и царь — дворовый пес Шарик и царенок — картофелина со спичечными ручками и ножками. Оля по утрам сажала ее в пластмассовую кружку, считая, что она любит купаться. Целый день Оля таскала с собой эту кружку, а вечером, укладываясь спать, совала царенка под подушку. Было у девочки и свое волшебное царство, требовавшее постоянных хлопот и опеки: жили в нем грибы. Сыроежки и поганки, маслята и грузди — они во множестве росли на большом дачном участке.

Оля была очень заботлива. Каждое утро, набрав воды в жестяную лейку, она совершала обход своих владений. Отыскав гриб, поливала его, чтоб рос быстрее. Потом втыкала в землю прутик и цепляла на него кленовый лист. Зеленые флажки помогали Оле снова находить своих подопечных.

Девочка никогда не рвала грибы. Но если гриба возле флажка не оказывалось, не огорчалась, думала, что просто он перекочевал на другое место.

Взрослых забавляла и трогала эта игра, длившаяся почти все лето. И никто не трогал ее подданных. Правда, грибы рвали белки, а порой они просто куда-то исчезали, может, превращались в труху.

Но однажды на дачу приехали гости: большой толстый человек в полотняном костюме — дядя Олиного отца и его жена, сухопарая дама в очках — учительница на пенсии.

Они привезли девочке роскошную куклу и коробку конфет. Конфетам Оля обрадовалась и тут же щедро поделилась ими с Шариком. Куклу же равнодушно отложила в сторону. Но учительница, долго выбиравшая куклу, сама очень радовалась своему подарку, и ей, конечно, хотелось, чтобы девочка радовалась тоже.

— Посмотри, Оленька, какая она красавица! И глаза закрываются! И «мама» говорит. Она будет тебе дочкой.

— Не надо, у меня уже есть наследник. Показать?

— Конечно!

Она убежала и вернулась с картофелиной.

— Вот, — торжествующе сказала девочка. — Он любит купаться.

На лице учительницы появилось отвращение. Наследник хоть и любил, по словам Оли, купаться, но был откровенно грязен.

— Какая гадость! — вскричала учительница. — Немедленно выбрось. Это же сплошная инфекция.

Оля растерянно хлопала ресницами. Ни мама, ни папа как-то не придавали значения антисанитарному состоянию царенка. Да, если, честно признаться, и с царем дела обстояли неважно. Шарик, увы, был изрядно блохаст.

В это время на террасу поднялись дядюшка и родители Оли — двадцатипятилетние люди, весьма легкомысленные с точки зрения их старших родственников.

— Валечка! — всплеснула руками учительница. — Как ты допускаешь, чтоб ребенок брал в руки такую мерзость?

— Что? — всполошилась Валя. Она только что окончила институт и еще не избавилась от панического страха перед учителями, даже если они были ее родственники.— Что ты натворила, Оля?

Но тут она увидела картофелину и рассмеялась:

— Так это ж Олин царенок! Такая у нас игра...

Она хотела еще что-то рассказать про забавную дочкину игру, но осеклась, наткнувшись на ледяной взгляд дяди.

— Владимир,— дядя повернулся к племяннику, — это что еще такое? Вы к чему ребенка приучаете? Что за игры? Царь! Царица! — Он даже задохнулся от гнева. — Как вам не стыдно! У вас всего один ребенок, и вы не можете его воспитать. Да в мое время...

— Так это же из сказки...

Владимир пытался как-то объяснить дяде про сказочный мир, в котором живут дети, но дядя продолжал бушевать, поддерживаемый учительницей.

В конце концов страсти утихли. Заплаканная Валя накрывала на стол, через силу улыбаясь родственникам. Настроение было безнадежно испорчено. У всех, кроме Оли. Она не поняла, из-за чего разгорелся сыр-бор.

Но главная драма была еще впереди.

После обеда все разбрелись по участку. И вдруг послышался нежный возглас учительницы:

— Сашенька, голубчик, погляди, какой прелестный гриб! А вот еще! Давай скорей перочинный ножик.

Дядюшка затопал в кусты. Действительно, на полянке виднелась целая стайка боровиков. Поодаль алели шляпки сыроежек, а у подножия сосны стояло целое воинство рыжих лисичек. Дядюшка достал нож, открыл его и наклонился к грибам.

— Осторожно, осторожно, — ворковала учительница,— не повреди грибницу.

Но тут раздался Олин крик:

— Это мое, мое!.. Не режьте, не убивайте их!

— Да что ты, детка, я уже объяснял тебе, что игра твоя вредная. Смотри, какой хороший грибок. И не червивый. Сейчас поджарим. Знаешь, как вкусно... — Дядя чиркнул ножом по корню.

Оля зашлась в плаче.

— Не смейте... не губите их!

Прибежали Олины родители. Девочка упала на землю, закрывая собою грибы. Когда отец поднял ее на руки, она уже не могла кричать.

Ей дали валерьянки, побежали за врачом.

Грибы валялись на земле, срезанные и затоптанные. Царенок лежал рядом с поломанными ручками и ножками.

Валя утешала в комнате плачущую дочь, а дядя с теткой воспитывали на террасе Владимира. Они объясняли, в какие игры должны играть советские дети. На террасе назойливо жужжали голоса.

— Я как педагог рекомендую вам...

— Ты же должен понимать, к чему приводят подобные игры!

Владимир молча курил.

Вечером гости уехали. Уехали, убежденные в справедливости содеянного, в том, что сделали доброе дело, пресекли пагубную игру. Уехали, натоптав грязными сапогами в доме близких. Причем из лучших побуждений.

Оля спала, а Валя ходила по ее порушенному царству, скрепляла прутиками сломанные грибы, втыкала их в землю, мастерила зеленые флажки. «Может, она забудет, — думала мать, — придет завтра на полянку с лейкой, а здесь все в порядке. Дети ведь быстро все забывают...»

Она помыла царенка, прикрепила ему новые ручки-ножки. Потом сделала красные бумажные короны для царя с царицей — точь-в-точь как у Царь-девицы в «Коньке-горбунке». Оле очень нравилась эта картинка.

Утром Оля встала не в духе, короны мерить не захотела, капризничала за завтраком.

— Ешь скорее, и пойдем-ка в твое царство, — сказала Валя.

— Не хочу, — ответила Оля.

— Ну, пойдем. А то грибы соскучились без тебя.

Она взяла девочку за руку и повела ее на полянку. За ночь здесь вырос веселый красный мухомор.

— Смотри, какой смешной, — сказала Валя, — полей его. Он завтра, знаешь, какой большой будет.

Оля постояла возле мухомора, подумала, а потом пнула его носком белой сандальки. Красная шляпка покатилась в траву. Девочка потопала по ней каблучком и пошла прочь, так и не взглянув на реставрационные работы, которые проделала мать.

— Какая жестокость! — прошептала Валя.

— Я больше их на порог не пущу! — воскликнул Владимир.

Но было поздно. Волшебное царство уже превратилось в обычный дачный участок.

* * *

Эту историю, как ни странно, рассказали мне не родители Оли, а ее главный герой, сам дядюшка Александр Иванович, человек заслуженный и уважаемый. Да, действительно, Владимир сдержал слово и порвал отношения с родственниками. Дядя всячески пытался доказать ему свою правоту, но каждый раз натыкался на глухую стену непонимания.

— Дурацкая история,— жаловался Александр Иванович, — я всего-навсего сказал правду. А оказывается, убил в ребенке мечту! О чем мечту? Чушь! Я человек прямой. Я люблю прямо в глаза...

Что можно ответить прямому Александру Ивановичу? Вроде он и прав: дурно кривить душой, лицемерить, лгать. Но, может, все же иногда надо подумать: принесет твоя прямота добро, не обернется ли она жестокостью? Может, не всегда надо прямо в сапогах в дом, может, все-таки оставлять их у порога? Ведь человеческое сердце, а особенно сердце ребенка так хрупко и ранимо. Как часто забываем мы об этом!

О нет! Я вовсе не за спасительную и жалкую ложь. Я — за деликатность, понятие, почитаемое порой несколько старомодным. Прямота — оружие острое. И обращаться с ним надо так же умело, как хирург обращается со скальпелем. Можно исцелить, но можно и непоправимо ранить.

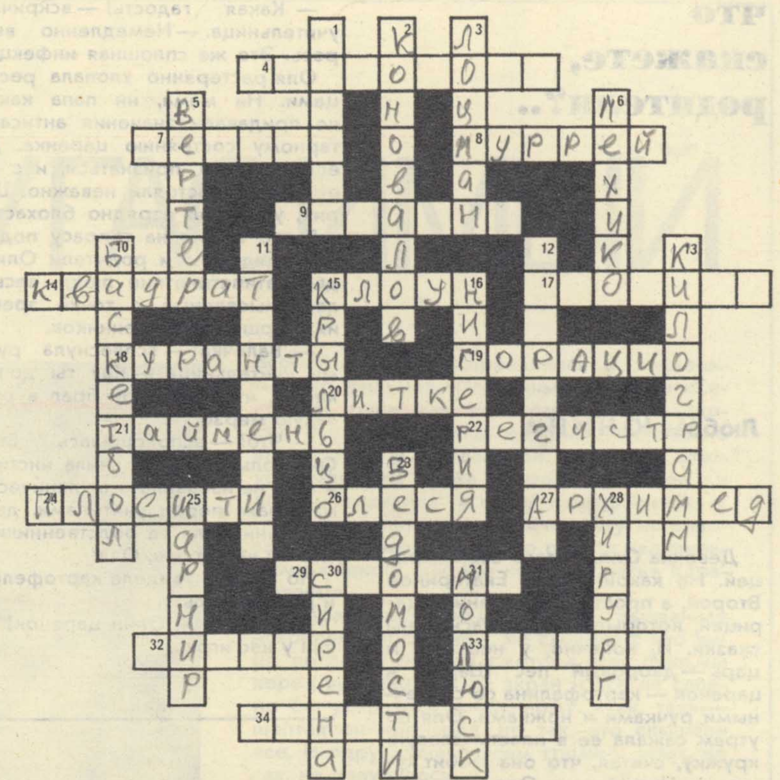
ВЕСЕЛЫЙ ВЕРНИСАЖ

Рисунки Н. ЕЛИНА.

Без слов.

Без слов.

После творческой командировки...

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Персонаж пьесы А. Н. Островского «Горячее сердце». 7. Старинное холодное оружие. 8. Река в Австралии. 9. Роман Э. Золя. 14. Равносторонний прямоугольник. 15. Цирковой комик. 17. Мужской пиджак. 18. Часы с музыкальным механизмом. 19. Действующее лицо трагедии Шекспира «Гамлет». 20. Русский мореплаватель. 21. Рыба семейства лососевых. 22. Ряд труб в органе и фисгармонии. 24. Город в Румынии. 26. Повесть А. И. Куприна. 27. Древнегреческий механик и математик. 29. Растение-медонос. 32. Порт в ГДР. 33. Оборотная сторона монеты или медали. 34. Итальянский скульптор эпохи Возрождения.

По вертикали: 1. Приток Волги. 2. Рассказ М. Горького. 3. Специалист по проводке судов. 5. Опера Ж. Массне. 6. Столица Мексики. 10. Спортивная игра. 11. Русский литератор XIX века. 12. Телескоп для фотографирования небесных светил. 13. Единица массы. 15. Пристройка у входа в дом. 16. Государство в Западной Африке. 23. Первая русская печатная газета. 25. Подвижное соединение двух частей механизма. 28. Врач. 30. Сигнальный гудок. 31. Морское неподвижное животное.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 46

По горизонтали: 6. Толстолобик. 7. Ванта. 8. Обрат. 10. Лангеллан. 12. Герань. 14. Тренер. 16. Бисквит. 18. Симметрия. 19. Сенбернар. 21. Ярмарка. 22. Климат. 24. Италия. 25. «Репетитор». 26. Апорт. 28. «Фауст». 29. Североморск.

По вертикали: 1. «Тоска». 2. Олово. 3. Корнель. 4. Короленко. 5. Гидрант. 9. «Жерминаль». 11. Серпантин. 13. Нереида. 15. Реферат. 16. Бурея. 17. Тонна. 20. Вахтангов. 23. Триолет. 24. Иркутск. 27. Трест. 28. «Фронт».

На первой странице обложки: Белград. Встреча Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева и Президента СФРЮ, Председателя Союза коммунистов Югославии И. Броз Тито у Белого дворца.

Телефото В. Мусаэльяна и В. Соболева (ТАСС).

На последней странице обложки: Деревянные поделки художника С. А. Луньянова.

Фото Б. Кузьмина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 1/XI — 1976 г. А 00742. Подп. к печ. 16/XI — 1976 г. Формат 70×108⅛. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2814. Тираж 2 030 000 экз. Заказ № 2975.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

СЮРПРИЗЫ СТАРОГО МАНЕЖА

Всякий раз, когда я прихожу на Цветной бульвар, в этот по-домашнему уютный цирк, который теперь именуется старым,— ловлю себя на мысли, что именно здесь, как нигде часто, рождается молодое, новое.

Вот и в нынешней программе почти нет фамилий, сопровождаемых почетными званиями и устоявшейся славой; цирковая энциклопедия, выпущенная три года назад, из числа артистов, занятых в сегодняшнем спектакле, может рассказать лишь о Елене Амвросьевой и Георгии Шахнине. Кстати, этот дуэт, уже ставший цирковой классикой, тоже в свое время выпущен был здесь, на Цветном бульваре, Марком Местечкиным и продолжает идти сквозь годы и манежи,— безотказный и удивительный в своей нестареющей свежести и зрительских симпатиях.

Кажется, сейчас в цирковом амфитеатре — кроме ребятишек, разумеется,— не должно быть ни одного человека, который не знал бы, чем кончится веселая кутерьма двух весьма экстравагантных музыкантов с тромбоном, скрипкой и роялем. И все же когда в эффектнейшем финале жизнерадостный маэстро скидывает фрак и маску и перед нами оказывается Елена Амвросьева, а седовласая пианистка на самом-то деле есть Георгий Шахнин, зал буквально взрывается восторженными аплодисментами.

Номер Людмилы Головко и Петра Любиченко называется «Игра с мячами в воздухе». Но это вовсе не такая уж безобидная игра. Она идет высоко под куполом цирка. Поднимаясь и опускаясь, раскачиваясь на двух трапециях, артисты легко и, кажется, беззаботно играют с мячами. Но отнимите мысленно мяч. Вы увидите сложнейшие трюки воздушных гимнастов, трюки, которые и без мячей выполнить нелегко. Но именно в этом беззаботном изяществе кроется мастерский расчет артистов. Ни в коем случае не хотят они делать акцент на опасность. Наоборот, они уводят зрительскую мысль подальше от догадок о чрезвычайной сложности трюков.

Сарват Бегбуди знаком нам как искусный жонглер на лошади и одновременно дрессировщик. В этот раз Сарват впервые вывел на московский манеж своих новых воспитанниц — Зиту и Чани. Шаловливые слонихи легко, словно играя, показывают нам, чему они научились у Бегбуди, внося в цирковой амфитеатр веселое оживление. Сарват и его жена Ольга по-дуровски очеловечивают своих четвероногих партнеров, и на арене разворачивается цирковое действо, динамичное и увлекательное: работа идет в охотку, любой трюк для слонов — удовольствие; они во всем действуют в унисон со своими молодыми хозяевами.

Олег Чепяков показывает уникальных косолапых жокеев. Его медведи-наездники овладели поистине вольтижными трюками: на крупе лошади они вальсируют, делают стойку на передних лапах, прыгают через обручи, берут барьеры и даже перескакивают на ходу с лошади на лошадь.

Крутит свои виртуозные сальто Надежда Николаева. Всевозможные сальто. И все они на шесте, который держат ее партнеры — Виктор Титов и Станислав Макаров... Захватывает дыхание у публики, когда на канате — единственной, пожалуй, тропке, с которой не свернешь ни влево, ни вправо,— демонстрируют свое мастерство дагестанские канатоходцы «Лэки»... Оригинально, отточенно и свежо работают эквилибристы под руководством Тофика Ахундова... Словом, программа летит легко и непринужденно. И каждый новый выход публика принимает радостно, с уже родившимся чувством благодарного доверия.

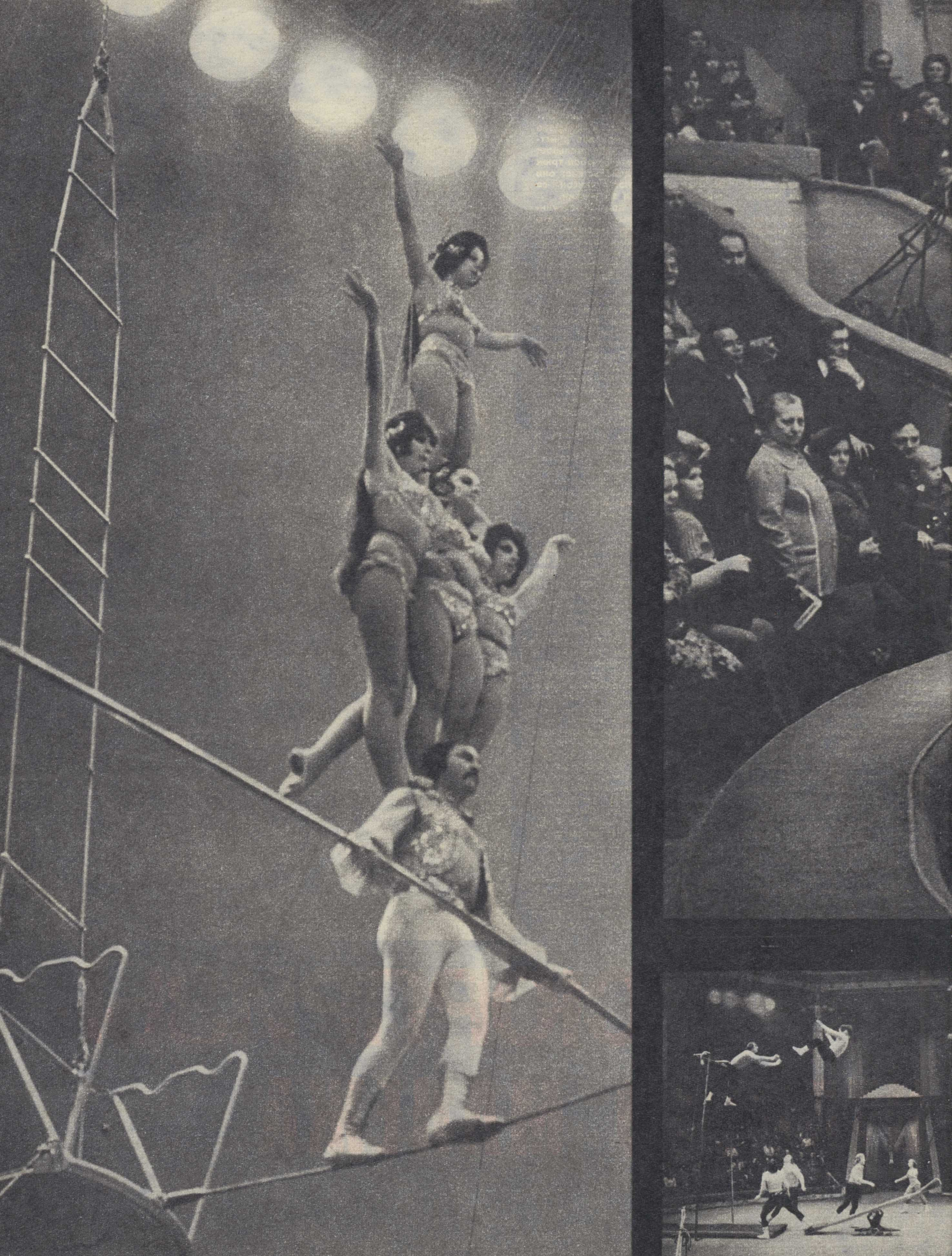
Теперь о клоуне.

Коверному нелегко в том спектакле, что сейчас идет на Цветном бульваре. В этом многоцветье номеров можно затеряться, пропасть, тем более что имя — Александр Родин — для Москвы пока еще имя со многими неизвестными. Но вот на манеже появляется задорный, энергичный молодой человек в желтой шляпе и желтом клетчатом пиджаке, и вдруг к чему он только ни прикоснется: из барьера, из стоящего на манеже микрофона,— словом, отовсюду, начинают высоко бить вверх водяные фонтанчики... Клоун озорничает: ему весело в начавшемся переполохе. И зрителям тоже. Тем более что ничего подобного они еще никогда не видели. Вообще все, что будет делать в этот вечер на манеже А. Родин, окажется для зрителей неожиданным. Кажется, этот талантливый коверный умеет все. Он жонглирует. Ездит на моноцикле. Работает на трапеции. И от выхода к выходу множатся зрительские симпатии.

Обычно публика встает со своих мест, не дожидаясь прощальных слов шпрехшталмейстера. Но вот уже и участники представления ушли, а зал еще на месте. И это верное доказательство, что спектакль хорош.

Е. ГОРТИНСКИЙ

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

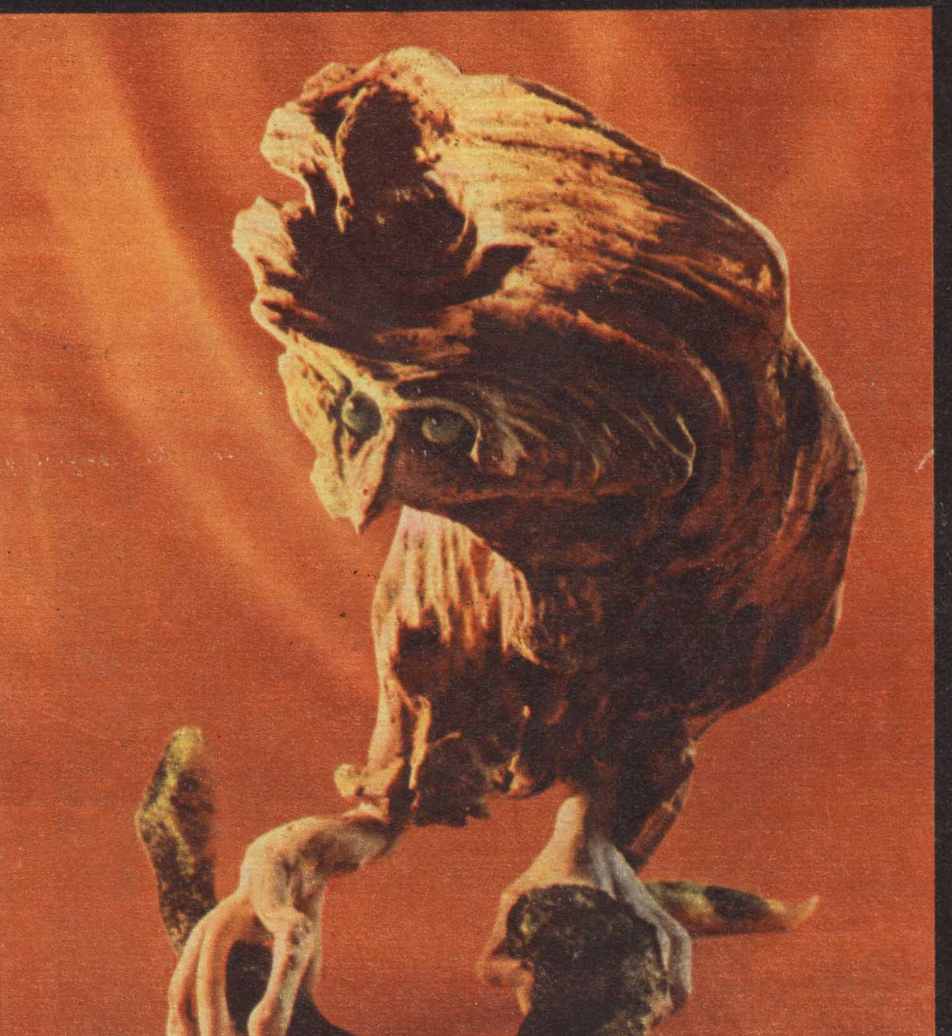

Индекс 70663

Цена номера 30 коп.